

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ДОМ
БЕЗ
ПРИВИДЕНИЙ

Детектив сильных страстей

Татьяна Бочарова

Дом без привидений

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Дом без привидений / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2020 — (Детектив сильных страстей)

ISBN 978-5-04-113085-5

Ника и ее муж Егор давно мечтали жить в собственном загородном доме, и вот их мечта осуществилась. Они купили большой бревенчатый дом в глухой деревушке Плацкинино, и Ника с энтузиазмом взялась за его обустройство. Однако первые же дни на новом месте омрачились неприятностями: к калитке стал являться странный старик и просить Нику впустить его в дом, говоря, что тот принадлежит ему! Ника попыталась прогнать его, в ответ бродяга предсказал ей гибель. Вскоре действительно произошел несчастный случай, сильно напугавший Нику и заставивший задуматься, стоило ли ей так кардинально менять свою жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113085-5

© Бочарова Т. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	8
3	15
4	20
5	29
6	34
7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Александровна Бочарова

Дом без привидений

© Бочарова Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Дом был великолепен. Два полноценных этажа и мансарда плюс огромный подвал. Сложен он был из бруса, обшит блок-хаусом, внутри обит вагонкой, крыша – металлочерепица. С первого этажа на второй вела довольно широкая двухмаршевая лестница, а на мансарду – поменьше и покруче. В первый день после переезда Вероника носилась как метеор с первого этажа на третий, ее глаза восторженно горели, она поминутно делала пометки карандашом в блокнотике.

– Смотри, Егор, вот тут будет огромный угловой диван! На два угла! А тут стол, большой, раздвижной. А что? Гостиная пятьдесят метров! С ума сойти, целых пятьдесят метров, просто не верится. Представляешь, как классно будет, когда привезут новую кухню?

Прежний кухонный гарнитур, оставшийся от бывших хозяев, Веронике категорически не понравился, он был в стиле ретро, а ей хотелось что-то лаконичное и современное. Поэтому она безжалостно отправила его на помойку, оставив на время лишь раковину, рабочий стол, на котором можно было готовить, и выдавшую виды газовую плиту.

– Тут поставим электрокамин, помнишь, тот, который мы видели в «Доме мебели». Помнишь?

Егор смотрел на сияющую жену и снисходительно улыбался.

– Помню, солнышко, конечно, помню. Обязательно купим его. Прямо в эти выходные.

Вероника застыла с карандашом в руке.

– Да ты что, в эти выходные! Тут же нужно все переделывать! Доводить до ума. Пол, например, меня совсем не устраивает. Мне не нравится половая доска!

– По-моему, отличная доска. Чем она тебя не устраивает?

– Я хочу ламинат. Белый, с эффектом состарившегося дерева. И потом мы купим такой же комод, я видела в авторском каталоге. Он, конечно, дорогой, но это стоит того. Егорчик, милый, пожалуйста, положим ламинат? – Она умоляюще поглядела на мужа.

– Никусик, ну если ты так хочешь... – Он подошел и обнял ее.

– Ура, ура! – Вероника вырвалась из мужниных объятий и вихрем взлетела на второй этаж. Сверху раздавался ее звонкий голосок. – Тут будут три спальни. Одна наша, одна гостевая. А одна... – она высунулась из лестничного пролета, – одна для маленького. Да?

– Осторожно, Ника, ты свалишься! Разве можно так? – На лице Егора отразился испуг.

Вероника весело расхохоталась.

– Я? Свалюсь? Да ни в жизнь. Ты не ответил на вопрос. – Она перестала смеяться и с ожиданием глядела на него. Лицо ее было нежным и вдохновенным.

Он улыбнулся.

– Разве я против, солнышко? Конечно, у нас будет комната для маленького.

– А сам маленький?

– Ну раз есть комната, значит, будет и хозяин.

– Милый, я тебя обожаю! – Вероника послала Егору воздушный поцелуй и скрылась наверху.

Потом они ужинали в огромной и пустой гостиной, прямо на полу, проигнорировав маленький столик, временно предназначенный для трапезы. Расстелили плед, расставили на нем нехитрые закуски: тарелочку с сыром дорблю, яблоки, шоколад и бутылку охлажденного белого вина. Вероника зажгла свечи, и они с Егором оказались в дрожащем, неровном кругу тусклого света, за краями которого царил густой сумрак.

– Выпьем за наш дом. – Она подняла бокал и серьезно взглянула на мужа. – Я верю, что он принесет нам счастье. Да, да, Егорушка, мы будем тут очень счастливы. Ведь правда?

Вместо ответа он привлек ее к себе и поцеловал. Ужин завершился отличным сексом, прямо тут же, на пледе. Уже в полудреме Вероника почувствовала, как Егор осторожно подхватил ее на руки и понес наверх. Он положил ее на кровать, заботливо укрыл одеялом.

– Спи, солнышко.

– Я люблю тебя, – сквозь сон прошептала Вероника и провалилась в сладкое забытие.

2

После вина и любви спалось отлично. Вероника проснулась в девять. Потянулась в постели, протерла слипающиеся глаза. Глянула на соседнюю подушку – пусто. Егор уже уехал на работу. На тумбочке была записка: «Солнышко, вернусь поздно, у нас сегодня сверхурочные. Пожалуйста, не бегай быстро по лестницам. Целую, твой Е.».

Вероника перечитала записку пару раз, чмокнула бумажку и, как была, голышом, спрыгнула с кровати и подошла к окну. На дворе было белым-бело. Кусты рябины напоминали клюкву в сахарной пудре. Сугробы пестрели следами птичьих лапок.

– Красота какая, – с восторгом выдохнула Вероника и побежала одеваться.

У нее со вчерашнего дня был составлен список дел на сегодня: отмыть раковину в ванной, выгрузить из чемоданов одежду и развесить наверху в гардеробной, сшить шторы в спальню и детскую, ну и немного поработать – это святое. Она не спеша приняла душ, натянула спортивный костюм, сварила себе кофе и принялась надраивать раковину. Через двадцать минут та блестела зеркальным блеском. «И не нужно новую покупать», – удовлетворенно подумала Вероника. Она с чувством и толком расставила на стеклянной полочке флаконы и тюбики, самодельное мыло в красивой мыльнице, стаканчик с зубными щетками. Протерла и без того чистый пол и пошла наверх разбирать привезенную из Москвы одежду.

К одиннадцати часам ее одолел голод. Вероника спустилась вниз и приготовила на газу яичницу с ветчиной. Подкрепившись и выпив еще чашку кофе, она засела за ноутбук. Вероника работала на удаленке, вела бухгалтерию одной маленькой фирмы. Сказать по правде, работой она особо не дорожила, денег у них с Егором и так хватало. Он был совладельцем автосервиса, приносящего неплохой доход, кроме того, Веронике на свадьбу отец подарил кругленькую сумму, открыв на ее имя счет в банке. Молодожены старались эти деньги без надобности не трогать, а проценты периодически снимали и тратили.

Однако совсем уж полная праздность не соответствовала характеру Вероники, потому она с удовольствием согласилась на предложение бывшей однокурсницы взять одну из ее халтур. Работала Вероника легко и быстро, только глаза в последнее время стали уставать от бесконечных цифр, острота зрения упала, и для того, чтобы разглядеть далекие предметы, приходилось щуриться. Егор ругался и требовал, чтобы жена оставила работу. Мол, пусть лучше занимается хозяйством.

Но сидеть целый день в четырех стенах невообразимо скучно. Даже если эти четыре стены – огромный дом. Поэтому Вероника продолжала свои бухгалтерские труды, чередуя сидение за экраном с более подвижными занятиями. Сейчас ей работалось особенно хорошо: строчки и колонки послушно строились в ряды, как солдаты по приказу главнокомандующего, на душе было радостно и легко. Казалось, стены дома излучают какую-то особую энергетику, находиться в нем необычайно приятно и комфортно. «Поработаю еще чуть-чуть и выйду на улицу», – решила Вероника.

В это время со двора послышались странные звуки. Это были не то удары, не то скрежет или и то и другое одновременно. Она вскочила из-за стола и глянула в окно. Калитка сотрясалась, кто-то с силой дергал ее снаружи. Вероника сбежала вниз по лестнице, накинута пуховик, сунула ноги в угли и вышла на крыльцо.

– Эй, кто там? Не надо так дубасить, я сейчас открою.

Она подошла к калитке и отодвинула засов. Перед ней стоял седой человек в лохмотьях. Лицо его было красно-сизым от холода, на всклокоченных волосах с трудом держалась маленькая вязаная шапочка, на ногах болтались огромные валенки. «Бомж», – со страхом подумала Вероника.

– Вы кто? Что вам нужно?

Седой глянул на нее из-под нависших кустистых бровей и, откашлявшись, хрипло произнес:

– Это мой дом.

– Ваш дом? – Вероника невольно отступила на шаг назад, продолжая с испугом разглядывать странное существо, стоящее перед ней.

– Да, мой. Пустите, я войду.

Она опомнилась и взяла себя в руки.

– Нет. Ни в коем случае. Дом наш. Мы с мужем купили его. И... нам сейчас не до гостей.

Поэтому простите...

– Это мой дом, – как попугай, повторил бомж и переступил с ноги на ногу.

Вероника поняла, что он мерзнет – валенки были дырявые, одежда тоже. Ей стало жалко его, несмотря на брезгливость, которую вызвал его внешний вид.

– Послушайте, мне очень жаль, – проговорила она мягче. – Но в этом доме был хозяин. Он продал его, а мы с мужем купили. Теперь мы хозяева. Хотите, я принесу вам горячего чая? С печеньем.

– Не хочу. – Бомж упрямо мотнул косматой головой. – Мне нужно зайти. Я кое-что тут оставил. Мне надо это забрать.

– Но дом пуст. Там ничего нет, мебель мы привезли свою. И я... я не хочу, чтобы на участок заходили посторонние.

Вероника пожалела, что у них нет собаки. Друзья и знакомые, когда узнали, что они купили дом, наперебой советовали завести пса. Плацкинино – маленькая деревушка, всего пять улиц, и пятидесяти домов не наберется. Охраны никакой, рядом лес. Собака будет в самый раз – никто не сунется на участок. Однако ни Вероника, ни Егор собак не любили и от этой идеи отказались. И вот сейчас Веронике стало ясно, что зря.

Оборванный и страшный человек стоял напротив нее, норовя оттеснить в сторону и проникнуть в калитку.

– Я не пушу на участок посторонних, – проговорила она тверже. – Сейчас приедет муж. Он у меня чемпион по боксу.

Последняя фраза вырвалась сама собой, видимо, от страха. Егор никогда не занимался боксом.

– Муж, – как эхо повторил бомж, пристально посмотрел на Веронику и качнул головой. – Не пустишь, стало быть?

– Нет. Чаю могу принести.

– Обойдусь и без вашего чая, – буркнул седой, повернулся и заковылял от нее по тропинке, протоптанной в сугробе, прямо в лес.

На мгновение Веронике показалось, что это не реальный человек, а какое-то сказочное существо наподобие лешего или домового. Она с трудом скинула с себя оцепенение и почувствовала, как руки саднит от мороза – рукавицы она не надела.

– Странный какой, – произнесла Вероника вслух и повторила: – Странный.

Она захлопнула калитку, заперла ее на ключ и пошла в дом. Там она разделась, села за стол и попробовала работать, но мысли скакали из стороны в сторону. Вероника ошиблась раз, затем другой и решительно закрыла ноутбук. Надо сделать паузу. Она достала телефон и набрала Егора. Он, по обыкновению, долго не подходил – как всегда, когда бывал на работе. Наконец в трубке раздался его голос:

– Да, солнышко, привет! Как ты?

– Я ничего.

– Голос какой-то кислый, – заметил Егор.

Вероника колебалась, говорить про бомжа или нет. Егору не до этого, у него и так целый день нервотрепка. Все же она не выдержала и сказала:

- Знаешь, приходил некто.
- Некто? В смысле?
- Ну, какой-то странный человек. Старик. Весь в лохмотьях, страшный такой. Рвался в дом.
- Ты его пустила?? – В голосе Егора послышалась тревога.
- Нет, конечно, за кого ты меня принимаешь?
- Солнышко, а что он хотел? Что ему было надо?
- Он заявил, что это его дом.
- Бред. Мы же пробивали хозяина в полиции. Все чисто, документы идеальные.
- Да я не говорю, что он хозяин. Скорее... скорее, сумасшедший. Несчастный бездомный безумец.
- Ты еще пожалей его, – недовольным тоном произнес Егор. – Надо было слушаться ребят и купить собаку.
- Я уже думала об этом. – Вероника слабо усмехнулась.
- В трубке послышались отдаленные голоса.
- Вот что, солнышко, я сейчас занят. Не могу больше говорить. Постараюсь раньше приехать, но не обещаю. Ты заперла калитку?
- Да.
- Молодец. Дом тоже запри. На два замка. И не выходи до моего приезда.
- Хорошо. Егор!
- Что, милая?
- Ничего. Я тебя люблю.
- И я тебя, котик! Не скучай.
- Целую. – Она отключилась.

Хорошее настроение начисто улетучилось. На душе стало тревожно и тоскливо. Вероника не могла понять причину этой тоски. Подумаешь, какой-то бомж. Попробует он еще раз сунуться – Егор ему покажет кузькину мать. В конце концов, если уж на то пошло – заведут собаку. Черного ротвейлера, как у Вероникиной двоюродной сестры Гали. Назовут его, скажем, Милорд. Или лучше Барон... Или... Она с досадой махнула рукой. Взъерошила короткие темные волосы и плюхнулась на маленький кожаный диванчик в углу.

О чем она думает? Не то, все не то. Думать надо о ребенке. Они женаты уже пять лет, ей двадцать восемь, Егору двадцать шесть. И все это время находилась какая-то причина, чтобы не беременеть: то хотелось пожить для себя, то съездить в Японию, то квартиру обставить. Теперь вот дом, в нем тоже масса дел, а значит, рождение малыша снова откладывается на неопределенный срок. А иногда хочется плюнуть на все, стать глупой и счастливой беременяшкой, капризничать, лелеять свой живот, мечтать по вечерам, как будут они с Егором гулять с коляской по округе...

Вероника почувствовала, что окончательно раскисла. В носу защипало, на глаза навернулись слезы. Она сердито вытерла их ладонью, встала, расстелила на полу коврик, включила музыку и принялась за упражнения. Эту гимнастику она нашла в интернете полгода назад и с тех пор не пропускала ни дня. После отжиманий и растяжек настроение неизменно повышалось, а вид стройной и подтянутой фигуры в зеркале добавлял лишние баллы.

Закончив зарядку, Вероника занялась приготовлением ужина. Егор всегда обедал на работе, но ужинать у них в семье было принято основательно и с толком. Она кипятила воду, резала овощи, отбивала мясо. Постепенно тревожное чувство отпустило ее, а вскоре и вовсе сошло на нет. Позвонил Егор, сказал, что выехал из Москвы и через час с небольшим будет дома. Вероника выключила газ, накрыла маленький уютный столик, слегка подкрасилась и сменила спортивный костюм на миленькое домашнее платьице. В ожидании мужа она села за швейную машинку и прострочила пару швов, обтачивая штору.

В семь послышался шум отворяемых ворот. Егор загнал машину на стоянку, щелкнул сигнализацией и поднялся на крыльцо.

– Привет, солнышко, я дома!

Вероника, улыбаясь, смотрела, как муж снимает кожаную куртку, ботинки, тщательно причесывает перед зеркалом красивые светло-русые волосы.

– Устал?

– Как собака. – Он одернул толстовку и надел тапочки. – Все-таки, как ни крути, далековато ехать. Минут сорок, если без пробок. А с пробками и все полтора часа.

– Бедненький ты мой. – Вероника подошла к нему и нежно поцеловала в губы. – Идем ужинать? Все готово.

– Да, идем. Но я сначала в душ. Умаялся за день, весь в мыле. Буду «благоухать» за столом.

Вероника втянула носом воздух, но не почувствовала ничего, кроме еле уловимого запаха ванили.

– Ты ел что-то сладкое? Пахнет ванилином.

– Угадала. – Егор усмехнулся. – Ну и нюх у тебя! Заехал во французскую пекарню, взял кофе и пару пончиков.

– И напрасно. Только аппетит перебил.

– Ничуть. Я голоден как волк. Вот такой страшный серый волк! Съем тебя! – Егор шутливо щелкнул зубами и схватил Веронику пониже талии. Она взвизгнула и расхохоталась. – Все, я в душ. – Он скрылся в ванной.

Вероника постояла немного, прислушиваясь к шуму воды, затем подошла к окну. На рябине сидел снегирь и сосредоточенно клевал ягоды, припорошенные снегом.

– Привет, малыш, – сказала ему Вероника.

Снегирь клюнул последний раз и улетел. Где-то в отдалении залаяла собака. Скрипнула дверь ванной. Вероника обернулась. Егор, голый по пояс, с мокрыми волосами, стоял прямо перед ней, в руках у него было полотенце. Она невольно залюбовалась его точеным торсом. Что ни говори, а муж у нее красавец. В такого трудно не влюбиться – все при нем, и внешность, и фигура. И характер замечательный, мягкий, покладистый. Никогда слова грубого не скажет, всегда поддержит в трудную минуту, развеселит. А ведь когда они познакомились, все отговаривали ее встречаться с Егором: родня, друзья. Дескать, провинциальный парень, из нищей семьи, учится в малопrestiжном институте, звезд с неба не хватает. Да еще моложе на два года.

– Вот увидишь, будет гулять от тебя, – страшила Веронику мать. – Я таких красавчиков повила на своем веку. Ему только деньги наши нужны да жилплощадь. Укрепиться в Москве хочет.

Вероника пыталась спорить, обижалась, плакала. Она привыкла слушаться родителей, но в данном случае нашла коса на камень – она серьезно влюбилась в Егора. Они познакомились случайно – на дне рождения у ее подруги. Его привел один из приглашенных, без спросу, так, за компанию. Вероника сразу обратила внимание на скромного паренька – тот, смущенный, сидел в дальнем углу, уткнувшись в телефон.

– Кто это? – спросила она у Юльки и услышала в ответ:

– Понятия не имею. Кажется, его Воронов привел. Он его сосед по общаге.

Сережка Воронов встречался с Юлькиной сестрой Лизой и славился неугомонным нравом и повышенной общительностью.

– Понятно, – задумчиво протянула Вероника.

– Что тебе понятно? – недовольно произнесла Юлька. – Мало того что этот дурень сам торчит тут с утра до вечера, так еще и посторонних с собой тащит. Зачем он мне здесь сдался?

– Да ладно тебе, не злись. Он же прилично себя ведет, тише воды ниже травы.

– Ты еще познакомься с ним, – язвительно проговорила Юлька.

– И познакомлюсь! – Вероника решительно пересекла комнату и подошла к незваному гостю. – Привет! – Она села рядом на диван.

Он взглянул на нее с удивлением.

– Привет.

– Я Вероника. Для друзей просто Ника.

– Егор. – Парень протянул ей широкую и крепкую ладонь. Вероника пожала ее и почувствовала, как по спине поползли мурашки. Он продолжал с интересом и некоторым недоумением разглядывать ее, и от этого щеки Вероники запылали, стало душно и захотелось пить. «Какой хорошенький», – подумала она, а вслух сказала:

– Симпатичное имя.

– У тебя тоже. – Он наконец улыбнулся, и улыбка у него была очаровательная. Два ряда безупречно ровных белых зубов. Кроме того, когда он улыбался, на левой щеке появлялась ямочка.

– Что ты тут сидишь, пойдем за стол. Выпьем, поболтаем, – предложила Вероника.

– Неловко как-то. Я ведь здесь вроде как чужой.

– Ерунда, тут все свои. И невежливо отказывать даме.

– Я и не думал отказывать. – Он поднялся с дивана.

Они уселись за стол, Вероника потребовала шампанского, Егор налил ей в бокал брют. Потом они танцевали, сначала на пионерском расстоянии, затем обнимаясь все тесней и тесней. С дня рождения Вероника и Егор ушли вместе. Он проводил ее до дому. Она ждала, что он спросит ее телефон, но нет, не спросил. Чмокнул в щечку на прощание и все.

Она неделю ходила сама не своя. Все вспоминала ямочку на щеке, большие синие глаза в обрамлении густых черных ресниц, пухлые губы, челку пшеничного цвета. Наконец не выдержала, позвонила Юльке.

– Слушай, Воронов у вас?

– У нас, где ж ему быть. Лизка-дура залетела, теперь придется замуж выходить. А ему только этого и надо.

– Я сейчас зайду к вам.

– Ну зайди, – удивилась Юлька.

Воронов сидел на их просторной кухне, по-хозяйски вытянув длинные ноги, обтянутые дешевыми джинсами, и с аппетитом хлебал суп. Лизка, с зеленым лицом, исхудавшая от токсикоза, сидела напротив и с нежностью смотрела ему в рот. Юлька жарила котлеты и злобно косилась на сестру и будущего зятя.

– Здорово! – сказал Воронов при виде вошедшей Вероники.

– Приветик.

– Между прочим, мой друг сохнет по тебе. Страдает молча, так сказать.

– Какой еще друг? – с деланным равнодушием спросила Вероника, а сердце ее радостно затрепетало.

– Ну какой. Лобанов, разумеется. Егор. Вскружила ты голову парнишке, а он ведь еще совсем молоденький. – Воронов доел суп и протянул руку к тарелке с голубцами.

– Ты ешь, Сереженька, ешь, не отвлекайся, – воркуя, проговорила Лизка. – Сметанки тебе положить?

– Положи, – с набитым ртом разрешил Воронов. – Так что, – обратился он к Веронике, – будешь парню мозги пудрить?

– Никому я ничего не пудрила, – надменно проговорила она. – Чего ж он телефон не взял? А теперь сохнет.

– Дура ты, что ли? – Сережка от возмущения на секунду перестал жевать, но тут же его челюсти задвигались с новой силой. – Где ты и где он! Стесняется парнишка, робеет. У тебя папаша и все такое.

– Откуда он знает про папу? – удивилась Вероника.

– Спросил, – отрезал Воронов.

– Тебя? – Она была вне себя от радости.

Егор наводил справки, интересовался ею. Значит, она его тоже зацепила.

– Меня, кого ж еще, – подтвердил Воронов и прикончил голубец.

Вероника достала из сумочки крошечный блокнотик и ручку, черкнула на листке и протянула его Сережке.

– Вот. Мой номер. Передай ему, пусть позвонит.

– Окей. – Воронов сфоткал телефон.

Егор позвонил вечером того же дня. Они так долго болтали, что даже мать удивилась, заглянула в комнату.

– С кем это ты так смеешься?

Вероника замахала на нее руками:

– Потом, потом.

Они договорились встретиться и пойти на каток. Оказалось, оба любили коньки и прилично катались. Стоял отличный морозный январский денек, блестел лед, играла музыка. Вокруг скользили веселые парочки. Вероника и Егор ехали по кругу, взявшись за руки. У девушки приятно кружилась голова. Теплая рука Егора сжимала ее ладошку, и от этого ей хотелось запеть вместе с музыкой, несущейся из динамиков.

Они стали встречаться. Она уже ясно понимала, что влюбилась, что готова выйти замуж за этого милого провинциального паренька. Он долго робел, но постепенно оттаял. Стал приходить к ним в дом, общался с родителями. Вот тут-то все наперебой заговорили о том, что они не пара. Первая не унималась Юлька, вторили ей и другие подруги. Мама, бабушка. Единственный, кто сразу стал на ее сторону, был отец.

– Что вы раскудахтались? – сказал он на семейном совете. – Нормальный парень. Неизбалованный, без глупостей в голове. Вы посмотрите, что вокруг делается. Взять хотя бы моих компаньонов: у одного сын наркоман, у другого дочь шлюха. У третьего парень никак в институт не попадет, отец миллионы на репетиторов тратит, а сынуле лишь бы в танчики играть. И так у всех почти. А этот – труженик, в вуз сам поступил, учится неплохо. Потом работать будет. Я его к себе в фирму возьму.

Мать и бабушка сидели и молчали. Отцу в семье перечить не привыкли. Начались приготовления к свадьбе. Вероника и Егор расписались в июле, справили торжество и улетели на месяц в Италию. Тур был подарком от отца. Под южным солнцем, среди архитектурных красот и буйной зелени Вероника чувствовала себя самой счастливой на свете. Она не отрывала глаз от Егора, и ей казалось, что все вокруг тоже любят их.

Через год он окончил институт, но в фирму к отцу не пошел. Все тот же неугомонный Воронов открыл свой автосервис, Егор стал его компаньоном и одновременно работал автослесарем, руки у него были золотые, да и мозги не подкачали. Дела у ребят быстро пошли в гору, появились неплохие доходы. Лизка за минувшие годы родила уже троих, сидела дома, готовила борщи и пироги, располнела, стала румяной и благодушной. Они с Сережкой купили трешку в Перове. Юлька познакомилась на сайте с немцем и уехала в Нюрнберг. А Егор с Вероникой жили не тужили в квартире, подаренной отцом, путешествовали, ходили на модные выставки, в театры...

– Солнышко, на мне рога выросли? – Голос Егора вывел Веронику из раздумья. – Ты так смотришь на меня... – Он усмехнулся и повесил полотенце на спинку стула.

– Я люблюсь тобой, – серьезно, без улыбки проговорила Вероника. – Думаю, как правильно я сделала тогда, когда подошла к тебе у Юльки.

– А, ты об этом. – Он махнул рукой и сел за стол. – Ну да, молодец. Сам бы я не решился. Что у нас на ужин?

– Мясо по-французски с овощным рагу.

– М-м-м... – Егор с упоением вдохнул аромат жареной свинины. – Какой запах! Солнышко, ты настоящий кулинар!

За ужином Вероника во всех подробностях рассказала Егору об утреннем приключении.

– Как, говоришь, он выглядел, этот бродяга? – Муж промокнул губы салфеткой.

– Ужасно. Весь встрепанный, одет в отрепья, глаза какие-то безумные. А главное, он рвался войти на участок. Я уж думала, не справлюсь с ним. Егор, я боюсь! Ты можешь узнать, кто он такой? Вдруг опять придет?

– Не придет, солнышко. Я приму меры. В выходные схожу по деревне, поспрашиваю людей. Наверняка его тут знают. Видимо, местный дурачок.

– Плохо, что он бродит тут. Если у него не в порядке с головой, он должен быть под присмотром. В больнице, например.

– Милая, в больницах не хватает места для нормальных людей. Если каждого дурачка класть в больницу, мы останемся без медицинской помощи.

– Это верно, – согласилась Вероника. – Но ты в выходные обязательно разузнай.

– Обещаю, – сказал Егор и поцеловал ее в щеку.

3

Следующие дни были наполнены приятной суетой и кучей дел. Вероника заказала-таки в интернете ламинат и наняла рабочих, чтобы его положить. Затем привезли новую мебель для спальни и гостевой. Вероника тщательно следила за сборщиками, кормила их обедом, спешно дошивала шторы, параллельно трудясь над квартальным отчетом. Когда наконец пол был готов, мебель собрана, а мастера уехали восвояси, она отважилась на самостоятельную прогулку по деревеньке.

Улочки, почти все, кроме центральной, были занесены снегом, который здесь никто не чистил. Вероника, утопая в сугробах, добрела до местного магазинчика. За прилавком стояла симпатичная молоденькая продавщица с длинной каштановой косой.

– Добрый день, – поздоровалась Вероника.

– Здравствуйте. – Девчонка приветливо кивнула. – Что-то я вас не знаю. Вы с Нестерова, что ли?

– Нет, мы плацкининские, – улыбнулась Вероника. – Дом у вас купили в конце декабря. Вот теперь знакомлюсь с окружающим миром.

– Дом – это какой? Черепahiной, что ль?

– Нет, фамилия бывшего хозяина Снегирев. Николай Снегирев.

– Ах, этот. – На лице продавщицы отразилась неприязнь. – Продал наконец, – проговорила она после недолгой паузы.

– Продал.

– Долго продавал, больше года. Как жена его померла, так и выставил на продажу. Да никто не брал.

– Почему? – удивилась Вероника. – Дом ведь отличный.

– Дом хороший, – согласилась продавщица. – Да только дорогой. Покупатель все не находился. А вы, стало быть, купили. – Она с интересом принялась разглядывать Веронику.

– Купили, – подтвердила та.

– Вы одна, с мужем?

– С мужем.

– Работаете? Я имею в виду, в Москву на работу ездите?

– Муж на машине ездит. А я дома работаю.

– Ну супер. – Девчонка потерела нос. – Я Люда. А вас как звать?

– Ника. Вероника.

– Красивое имя.

– Папа назвал. Ему очень нравилось.

– Везет. У меня вот папашки нет. – Продавщица Люда вздохнула.

– Почему нет? Умер? – сочувственно спросила Вероника.

– А фиг его знает, может, и умер. Я его никогда не видела. Сделал дело и в кусты. – Люда снова потрогала свою роскошную косу. – Вы братья-то что-нибудь будете? У нас хлеб вкусный, на станции пекут. И молóчка с местного молокозавода. Творожок, сметанка.

– Спасибо. Обязательно возьму и хлеб, и сметанку с творожком. У вас карты принимают?

– У нас, в Плацкинине? – Люда хмыкнула. – Да вы что! Это ж богом забытое место. Какие тут карты? Только наличкой.

– Ну хорошо, не вопрос. – Вероника достала из сумочки кошелек и протянула Люде деньги. Та завернула ей буханку черного хлеба и два пластиковых контейнера – с творогом и со сметаной.

– Попробуйте, не пожалеете. Особенно хлеб. Я иногда куплю, а до дома не донесу. По дороге начинаю отщипывать. – Продавщица засмеялась.

– Спасибо, – поблагодарила ее Вероника. – Я буду захаживать.
– Приходите, конечно. Народу тут кот наплакал, скука смертная. Молодежь, какая была, вся в город уехала. Я тоже денег подкоплю и уеду в колледж поступать.
– Хорошее дело, – согласилась Вероника. Она уже подошла к двери, но вдруг остановилась и обернулась к продавщице. – Скажите, а вы знаете местного бомжа?
– Какого еще бомжа? – На лице Людмилы отразилось недоумение.
– Ну седой такой, оборванный. Он приходил ко мне пару дней назад. Стучал в калитку.
– Не знаю никакого бомжа. – Люда пожала плечами. – Дядя Вася тут у нас чудит. Как напьется – носится с топором да ломится в избы. Даже менты к нему приезжали много раз. Но потом ничего, проспится, как шелковый становится.

– Что ж, его не забирают в полицию, с топором-то? – с опаской поинтересовалась Вероника.

– Да кому он нужен.

– А если зарубит кого-нибудь на пьяную голову?

– Ну, пока он только петуха зарубил у бабки Ульяны. – Люда рассмеялась. – Да не бойтесь вы. Снегиревский забор крепкий, дядя Вася туда стучаться не станет.

– Хорошо бы так и было, – проговорила Вероника и вышла на улицу.

Нос и щеки тут же обожгло, под ногами весело поскрипывал снег. Она постояла чуть-чуть, потом залезла в пакет и отколупнула кусочек хлебной корочки. Когда-то в детстве ее возили в деревню к отцовской бабушке, и там был как раз такой хлеб. Вероника каждый день съедала по горбушке, густо посыпав ее солью и натерев чесночком. Корочка оказалась невероятно вкусной. Вероника пожалела, что не взяла две буханки. Но потом решила, что не стоит портить фигуру. Она не спеша шла по улице, рассматривая дома за заборами. Они казались пустыми и заброшенными, однако вскоре Вероника поняла, что ошибается. Где-то за калитками кипела жизнь: лаяли собаки, мычала корова, квохтали куры. Возле довольно нового деревянного забора стояла обляпанная грязью машина, капот ее был открыт, над ним склонился мужчина в ватнике и шапке-ушанке. Вероника попыталась обойти машину, но ее нога утонула в сугробе. Она охнула и села на снег.

Мужик в ушанке разогнулся и уставился на нее с любопытством.

– Кто такая? Чего в сугробе расселась? Думаешь, тут тебе диван? – Он протянул Веронике огромную, красную от мороза лапищу. Она взялась за нее и с трудом поднялась на ноги.

– Я ваша новая соседка. Живу вон там. – Вероника махнула рукой в ту сторону, где за старенькими крышами высился их огромный дом.

– А, вот, значит, кому Колька свой дворец продал. – Мужик смерил ее оценивающим взглядом. – Ну, будем знакомы. Василий я.

Вероника в испуге отшатнулась. Неужели это тот самый пьяница Василий, который бегаёт по деревне с топором? В мужике, однако, не было ничего устрашающего. Обычный, слегка небритый, нос и щеки красные от холода, но спиртным не пахнет.

– Ты че так смотришь? – Он достал из кармана ватника пачку сигарет и закурил.

– Н-ничего, так просто, – выдавила Вероника.

– А я гляжу, тачки все какие-то к Колькиному дому подъезжают, что-то везут. Ну, вы, я вижу, обустроиваетесь нормально?

– Да, все хорошо.

– Если что-то понадобится – прибить там, прикрутить, послесарить, – обращайтесь. Я тут в Плачкиныне нарасхват, почитай, один мужчина на все село. А остальные все – тетки, вдовы да холостые. От них помощи не дождешься.

– Хорошо, спасибо, я обязательно передам мужу. А вы заходите в гости.

– Некогда мне по гостям шататься, работы по горло. Но учту. Может, в воскресенье загляну на коньячишко. – Мужик громко заржал и снова полез в двигатель.

Вероника свернула с центральной улицы и пошла по узким заметным тропкам к дому. Она еще издали заметила одинокую темную фигуру у ограды. Сердце ее ушло в пятки. Опять? Первой мыслью было бежать обратно и звать на помощь Василия. Вероника развернулась было, но, увидев цепочку своих следов в сугробах, передумала. Пока она добежит, бомж сто раз ее догонит. Она медленно и обреченно пошла к калитке. Седой оборванец терпеливо ждал, пока Вероника приблизится.

– И где это тебя носит? – Нос и рот его были покрыты грязным, неопределенного цвета шарфом, из-под которого голос звучал глухо и неразборчиво.

– Что вам нужно? – Вероника постаралась не подавать виду, что отчаянно трусит. В конце концов, это же не бандит, а обычный бездомный. Таких в Москве огромное количество, и никто на них не обращает внимания. Чего же здесь бояться?

– Пусти меня в дом. Мне надо.

– Нет, это исключено. Хотите, я вам денег дам? – Вероника раскрыла было сумочку.

– Закрой, – приказал бомж. – Мне не нужны деньги.

Они стояли друг напротив друга, она видела, как из-под шарфа клубится пар от его дыхания. Несколько секунд висело молчание.

– Не пустишь? – спросил бродяга, и Веронике показалось, что голос его дрогнул.

На мгновение она почувствовала что-то вроде сомнения. Может, пустить? На пятнадцать минут. Этого хватит, чтобы он согрелся, хотя бы чуть-чуть. Дать ему горячего чая, хлеба... Седой словно услышал ее мысли – взгляд его сделался более осмысленным, он снял шапку и пригладил седые космы, потом нахлобучил ее обратно. С губ Вероники уже готовы были сорваться слова, но она вдруг опомнилась. Что это с ней? Пустить в дом чужого человека, да еще такого – странного, страшного, оборванного? Мало ли что он может натворить? Да и неизвестно, не болен ли он какой-нибудь заразой.

– Простите, но нет. Не пушу.

Бомж наклонил голову.

– Зря ты так. Вообще, все зря.

– Что все? – не поняла Вероника.

– Все вот это. – Он кивнул на дом. – Ты умрешь скоро. Очень скоро.

Он сказал это так буднично, словно речь шла о прогнозе погоды. Вероника почувствовала, как сдавило грудь.

– Что... что вы несете...

– Не станет тебя скоро, вот что. А дом мой. Поняла – мой! – Он повернулся и зашагал по сугробам к лесу.

Вероника стояла и смотрела, как он постепенно исчезает за деревьями, точно персонаж из фильма ужасов. Ноги в уггах давно ооченели. Руки тоже были как лед. Она с трудом вышла из оцепенения и вставила ключ в замок. У нее долго не получалось открыть. Наконец калитка распахнулась, и Вероника нетвердой походкой вошла во двор. Она поднялась на крыльцо, скинула в прихожей пуховик и сапоги, добрела до диванчика и без сил опустилась на него. Ее билa крупная дрожь. «Тихо, ну тихо, – пыталась она успокоить себя. – Чего ты, глупышка. Подумаешь, какой-то безумец что-то бормотал себе под нос. Да это даже слушать не нужно. Тем более придавать его словам значение. Что он, пророк, в самом деле? Мы живем в XXI веке, чудес на свете не бывает, наука все объясняет».

Вероника говорила вслух сама с собой, однако ее продолжало трясти. Во рту пересохло. Она налила в стакан воды и с жадностью выпила ее. Подошла к окну, оглядела быстро темнеющий двор. Никого. Тихо и пусто. В соседнем домике зажглось окошко. За ним другое. У нее немного отлегло от сердца. Значит, где-то рядом живые люди, если что, можно крикнуть, добежать до них. Только бы не сойти с ума.

Она раскрыла ноут, но безнадежно махнула рукой – работать в таком состоянии было невозможно. Тогда Вероника села за швейную машинку. Шить она любила с самого детства, это занятие ее всегда расслабляло и успокаивало. Крутя педаль и машинально передвигая кусочек занавески, Вероника в сотый раз прокручивала в голове недавнюю сцену.

Что имел в виду этот придурок? Он угрожал? Ну да, конечно, он угрожал ей. Насылал на нее проклятие, как злая фея в старой сказке про аленький цветочек. Та рассердилась на принца за то, что он не пустил ее в замок, и обратила его в чудище. А этот седой монстр обещал ее убить!!

Вероника резко отпустила педаль и вскочила. Что сидеть? Надо же что-то делать! Звонить Егору, отцу. Просить помощи.

С улицы послышался шум автомобиля. Вероника бросилась на крыльцо. Егор въехал в ворота и остановился. Он открыл дверцу, уставился на Веронику.

– Ты чего без одежды? Минус пятнадцать, простудишься в два счета.

Вместо ответа она прямо в тапочках понеслась к нему по снегу, повисла на груди. Плечи ее сотрясались.

– Что ты? Что ты? Что случилось? – В голосе Егора звучала тревога. Он шелкнул сигнализацией, подхватил Веронику на руки и понес в дом. Уложил на диван, накрыл пледом. Плеснул в рюмку коньяку. – На, выпей. Выпей и успокойся. Объясни, что стряслось. – Он сел рядом.

Она вцепилась в его руку, крепко сжала.

– Егор, он опять приходил!

– Кто он?

– Ну этот... бродяга... оборванец.

– Опять? Ну я его! Надеюсь, он ничем тебя не обидел? Зачем ты ему открыла?

– Я не открывала. Я... я ходила гулять. Вернулась – он стоит у забора.

– Что ему было нужно? Снова просился в дом?

– Да... Егор... Егорушка... – Вероника не выдержала и разрыдалась. – Он сказал... он... нет, это просто невозможно...

– Да что такое? – испугался Егор. – Солнышко, не плачь, ради бога. Объясни, что тебя так расстроило. Этот гад тебя ударил? Толкнул?

– Нет, он меня и пальцем не тронул. Но он... в общем... – Она затихла и посмотрела на него бездонными глазами. – Он сказал, что я скоро умру.

– Что? – Егор вздрогнул. – Что такое? Как это??

– Вот так. Так прямо и сказал: ты скоро умрешь.

– Господи, бедняжка моя. – Он прижал Веронику к себе и стал гладить по голове. – Ну, милая, успокойся. Это же бред. Кто может предсказывать смерть? Полоумный человек, наверняка алкаш, ты его не пустила, он разозлился. Да это просто смешно, если бы не было так печально. Не плачь!

Она уткнулась ему в грудь – от него уютно пахло родным, привычным запахом одеколона и едва уловимой ванилью. Вероника всхлипнула и улыбнулась сквозь слезы:

– Снова был в булочной?

– Ты не поверишь, эти пончики просто божественны. Объедение. Хочешь, я в следующий раз захвачу парочку для тебя?

– Захвати. – Она вытерла слезы и поправила волосы. – Я ужасно выгляжу. Небось нос красный, и глаза опухли.

– Ты прекрасно выглядишь. – Егор нежно поцеловал Веронику. – Выброси из головы эти глупости, я послезавтра пройду по деревне и спрошу местных. Наверняка они знают, кто этот мерзавец, и скажут, где его найти. Уж я покажу ему!

– Ты мой доблестный защитник. – Вероника последний раз шмыгнула носом, улыбнулась и встала. – Давай-ка за стол, я купила для тебя кучу вкусняшек.

Они поужинали в тишине, каждый молчал и думал о своем. Потом посмотрели французский фильм и легли спать. Егор сразу захрапел, а к Веронике сон не шел. Перед глазами все стояло красное лицо бродяги, его колючий взгляд из-под бровей. В ушах звучал приглушенный голос: «Скоро тебя не станет». Она ворочалась с боку на бок, пока ей не стало казаться, что в углу, за шкафом, кто-то прячется. Кто-то притаился за открытой дверцей и смотрит прямо на нее. Она могла поклясться, что слышит в темноте тихое чужое дыхание. Ее прошиб холодный пот. Она потрясла мужа за плечо.

– Егор! Проснись!

Он завозился, недовольно замычал.

– Проснись! – громче повторила Вероника.

– Что такое? – Он приоткрыл глаза. – Ника, ты чего?

– Смотри! – Она указала на шкаф. – Там кто-то есть.

– Где? Ты о чем?

– Тише! Он смотрит на нас. Неужели ты не видишь?

– Черт! Ника, ты спятила? – Егор спрыгнул с кровати и дернул за шнурок торшера. Загорелся свет. Вероника увидела висящее на дверце шкафа полотенце.

– Откуда здесь полотенце?

– Я повесил. Забыл в ванную отнести, а потом было лень. – Он сел на постель и с тревогой посмотрел на Веронику. – Солнышко, что происходит? У тебя галлюцинации?

– Прости. – Она снова вся дрожала. – Прости, мне показалось, что за дверцей кто-то стоит.

– Никусик, ну посуди сама – кто может здесь быть, кроме нас с тобой? Двери заперты, калитка тоже. Забор высокий, не перелезть. Окна закрыты. Бомж твой нажрался водки и спит в своем подвале. Он не станет лезть в чужой дом. Ни днем ни ночью.

– Ты прав. – Вероника тяжело вздохнула. – Вот что, принеси мне выпить. Еще коньяка.

– Без проблем. – Егор встал, накинул рубашку и пошел вниз.

Вероника полулежала на подушках и пристально рассматривала полотенце. Все-таки она слишком впечатлительна. Отец бы посмеялся, узнав, что она полотенце приняла за злодея, пробравшегося в спальню. Отец никогда и ничего не боялся. Даже когда его подставили компаньоны и ему грозил суд, он полностью владел собой и сохранял спокойствие. А она ведь его дочь.

– Вот, держи. – Егор зашел в спальню, неся на подносе две рюмки и блюдечко с нарезанным лимоном. Вероника залпом осушила стопку. По телу разлилось приятное тепло. – Все? Я тушу свет? – спросил Егор.

– Да, туши.

Он выключил торшер и лег. Вскоре снова послышался храп. Вероника закрыла глаза, стараясь не прислушиваться к звукам в темноте. Однако она все равно слышала, как что-то тихо поскрипывает, будто внизу кто-то ходит, медленно, взад-вперед. «Бред, – сказала себе Вероника, – никого нет. Спи!»

4

Она не помнила, как уснула. Скорее, это был не сон, а тяжелое забытие, наполненное кошмарами. Ей виделись какие-то сказочные существа, похожие на гномов, с бородами и большими крючковатыми носами. Они сновали вокруг нее, что-то бормоча или напевая, в руках у них были разноцветные нити. Они ловко плели нечто наподобие паутины, опутывая ею ноги Вероники. Она пыталась освободиться, но нити не рвались, они были прочными, как канаты. Злобные гномы стали дергать за концы своих пут, и Вероника почувствовала, что сейчас упадет. Ей стало жутко: она представила себе, как, беспомощная, лежит на земле, а гномы, бормоча свои напевы, тащат ее в подземелье. Она вскрикнула и увидела прекрасного принца. Это точно был принц – в серебряных доспехах, с блестящим мечом, с длинными, до плеч, золотыми волосами и синими, как у Егора, глазами.

– Егор! – уже падая, позвала Вероника. – Егор! – Рот ее был полон нитей, они опутали ее всю, с головы до ног, как паутина – несчастную муху. Она задышалась, почти теряя сознание. – Егор...

Принц взмахнул мечом. Вероника глядела на него с надеждой: сейчас он разрубит эти чертовы нити и освободит ее. Сейчас. Внезапно лицо принца исказила судорожная гримаса. Оно побагровело, волосы из золотистых стали седыми, сдвинулись брови над переносицей. Вероника охнула от ужаса. На нее смотрел бродяга-оборванец в рыцарских доспехах. Меч был прямо над головой Вероники. Она зажмурилась и проснулась...

В незанавешенное окно ярко светило солнце. Вероника повернула голову, надеясь увидеть спящего Егора, но его не было. Она с трудом перевела дух и взглянула на экран телефона. Половина десятого! Егор давно на работе. И как это она ухитрилась проспять так долго? Вероника встала с постели и пошла в душ. Минут двадцать стояла под обжигающе горячими струями. Затем завернулась в полотенце и отправилась в гостиную.

Она старалась собраться с мыслями. Сон – это ерунда, просто отражение ее страхов. Если не прекратить психовать, то впору продавать дом и уезжать в Москву. Нет, жалко.

Вероника оглядела огромную гостиную, частично заполненную мебелью. Это же ее мечта. Она два года грезилась о собственном доме, просмотрела сотни объявлений, обзвонила кучу агентств. Они с Егором ездили на просмотры – чего только им не предлагали. Но такого варианта не было за все это время. Едва Вероника увидела дом на фотографии, как моментально влюбилась в него. Столько простора, столько благородства, изыска. Огромные потолки, стены, дышащие деревом, широкие окна с красивыми решетчатыми рамами и резными наличниками. Стоил он недешево, мягко говоря.

– Берите, не прогадаете, – сказал им хозяин. – Такого во всей округе нет. А места здесь отличные, грибные леса, неподалеку два озера с песчаными пляжами, да и от столицы недалеко, всего тридцать километров.

Вечером Вероника и Егор долго сидели на кухне за бутылкой любимого белого вина, думали да гадали, как быть.

– Егорушка, давай возьмем. – Вероника просительно взглянула на мужа. Он обнял ее и посадил к себе на колени.

– Тебе нравится, Никусик?

– Очень! Я буду самой счастливой, если мы его купим.

Егор немного помолчал. Лицо его было сосредоточенным и серьезным.

– Хорошо. Если ты хочешь, то давай. Я согласен.

Вероника взвизгнула, обняла его и принялась целовать.

Они решили снять внушительную сумму со счета плюс кое-то Егор одолжил у Воронова, обещая вернуть через пару лет. Этого им хватило, чтобы завершить сделку. Через месяц

право собственности было зарегистрировано в Росреестре, а еще через неделю первая машина с вещами и мебелью приехала в Плацкинино. В московскую квартиру пустили жильцов, чтобы отдавать долги и обустраивать дом. Это было почти сразу после Нового года. С тех пор и месяца не прошло...

Нет, продать дом не вариант. Нужно бороться со своими страхами и предрассудками. Они будут счастливы здесь, и точка! Вероника принялась одеваться. Есть ей не хотелось, но она выпила кофе с печеньем, немного поработала, пошила. Настроение заметно улучшилось. Она решила выйти на улицу, пройтись.

Температура за ночь поднялась до минус восьми, на небе не было ни облачка. Во дворе снова оказалось полно снегирей. Среди них затесался дятел, в смешной красной шапочке. Вероника долго любовалась на птиц, насыпала им пшена и семечек, затем слепила большую снежную бабу и украсила ее нос морковкой. Ей стало совсем хорошо и весело. Не об этом ли она мечтала – жить на свободе, в приволье, дышать свежим воздухом, а не бензиновыми парами, гулять в собственном дворе. Она достала из сарая огромную лопату и расчистила широкую дорогу в сугробах. Щеки ее разгорелись, глаза блестели.

– Ну что, подруга, как жизнь? – обратилась она к снежной бабе. – Хочешь, слеплю тебе приятеля? Я мигом. Сейчас... – Вероника зачерпнула было рукавицей снег, но в это время в калитку постучали. Она вздрогнула и замерла.

– Эй, есть кто дома? – раздался из-за забора тонкий старческий голос. Вероника вздохнула с облегчением.

– Да, есть. Сейчас открою. – Она поспешила к воротам.

За оградой стояла маленькая сгорбленная старушка в черном платочке с красными розами и длинном, тоже черном пальто, отороченном лохматым собачьим мехом.

– Все никак не дойду до вас, дочка. – Старушка протянула Веронике небольшой сверток в полиэтилене. – Держи-ка.

– Что это? – удивилась Вероника.

– Подарок. Потом откроешь. С новосельем, что ли. Я бабушка Ульяна, соседка ваша. А ты кто будешь?

– Я Вероника, можно коротко, Ника. – Она была несказанно рада. Как здорово – живая душа рядом. Теперь можно пообщаться, обо всем расспросить да просто вместе посидеть, чаю попить. – Хотите чаю? – спросила Вероника у гостьи.

– Чего ж не хочу? Я чайком побаловаться люблю. И дом посмотрю с превеликим удовольствием. – Старушка вошла во двор. При виде снежной бабы на ее лице расцвела улыбка. – Это ты, что ль, слепила?

– Я.

– Эх, как дитя. Сколько ж тебе?

– Много. Двадцать восемь.

– А ребятишек нет? – Старушка кинула на Веронику пронизательный взгляд. – Вижу, что нет.

– Как видите? – изумилась та.

– Да по лицу. Я, милая, много чего вижу, натура у меня такая. Да и были бы ребятишки, они бы уже здесь, во дворе, галдели да носились.

Вероника подумала, что бабка абсолютно права.

– Вы заходите в дом, – пригласила она.

Ульяна с трудом взгромоздилась на крыльцо и, мелко семеня, прошла в прихожую.

– Сто лет здесь не была. – Она сняла пальто и осталась в вязаной безрукавке поверх белой блузки и вязаной же юбке до самого пола. Волосы у нее были совсем белые, заплетенные в тощую косицу, как у школьницы. На морщинистом личике лукаво блестели маленькие серые глазки, нос курносый, как крючок. – Колька-то, хозяин здешний, гостей к себе не пускал. Гор-

дый слишком был. Что говорить, пришлый человек, не из наших. Знаться с нами не желал, особняком жил.

Вероника с интересом слушала старуху. С бывшим хозяином дома они общались совсем мало. Он показался ей человеком серьезным и адекватным.

Сразу предоставил все документы, обстоятельно провел экскурсию по каждому этажу. Признался, что, если бы не смерть жены, дом нипочем бы продавать не стал. А теперь жить тут не вмоготу – все напоминает о ней.

Вещи свои быстро вывез, оставил то, о чем договаривались за отдельную плату: пару кресел, двуспальную кровать и шкаф. По документам выходило, что домом Николай Снегирев владел целых двадцать лет.

– Бабушка Ульяна, а Снегирев сам построил этот дом?

Старушка сняла валенки, сунула ноги в тапочки, стоящие под вешалкой, и молча пошла в гостиную, оставив вопрос Вероники без внимания.

– Красиво у тебя здесь. А главное – просторно. Не люблю, когда все заставлено. – Ульяна мелкими шажками пересекла огромную комнату и уселась за стол. – Ну что, чай будем пить?

– Конечно. – Вероника положила сверток на диван и захлопотала у плиты. Включила чайник, вынула из ящика печенье, мармелад, нарезала халву. Старуха терпеливо дожидалась, пока она поставит перед ней чашку с чаем и тарелку со сладостями.

– А сахар? – потребовала Ульяна. – Сахар есть у тебя? Я с сахаром пью.

Вероника улыбнулась.

– Есть, конечно. – Она достала с полочки красивую керамическую банку с песком.

– Вот это дело. – Ульяна насыпала в чашку три полные ложки. Шумно подула, смешно выпятив губы трубочкой, и принялась пить маленькими глоточками.

Вероника тоже села к столу и надкусила мармеладку.

– Бабушка Ульяна, а вы мне не ответили. Кто дом построил?

– Кто построил, того уж нет. И не будем об этом. – Старуха недовольно поморщилась. – Вот чай у тебя не очень. Я тебе свой принесла. – Она кивнула на лежащий на диване сверток. – Попробуешь. Он у меня с травами, сама сушила. И собирала сама. Тут у нас разнотравье летом, надо только не лениться, спозаранку встать – и в поле. В травах и сила, и здоровье. Вот, к примеру, у тебя отчего детишек нет? Ты замужем?

– Замужем, – кивнула Вероника.

– Не болеешь ли по-женски?

– Нет, здорова. Просто пока не хотели детей.

Бабка осуждающе покачала головой.

– Как это можно детей не хотеть? Дети для женщины – первое дело. Вот у меня их пятеро, детишек-то было. Пять!

– Почему было? – вырвалось невольно у Вероники, и тут же она пожалела о своих словах.

– Померли они. – Взгляд Ульяны стал глубоким и отрешенным.

– Как померли? – Она закрыла рот ладонью.

– А вот так. До годика доживали и помирали. Мальчики все были. А девочка последняя – та до трех дотянула и все равно померла. На все воля Божья, дочка, я тебе так скажу. Вот муж мой покойный, Феденька, царство ему небесное, тот никак смириться не хотел, все роптал на Бога, плакал. От слез у него хворь приключилась, вот и умер он, не дожив до шестидесяти. С тех пор я одна кукою. Изба моя развалилась, крышу перекрыть некому, дров наколоть тоже. Иногда сосед придет, подмогнет. Да и то не за просто так, а за денюжку.

– Сосед – это Василий? – догадалась Вероника.

– Он. Кроме него, здесь, почитай, и мужиков-то нет. Только тезка его, но тот алкаш, от него толку нет. – Ульяна отколупнула ложечкой кусочек халвы.

Соседка нравилась Веронике все больше и больше. Не сломалась, несмотря на беды, постигшие ее, живет себе, чай гоняет, травы собирает.

– Я обязательно заварю ваш чай, – пообещала она старушке.

– Не пожалеешь. Ну а муж-то твой где?

– На работе, где ж ему быть. Он автосервис содержит, вкалывает с утра до вечера.

– Это хорошо, что вкалывает. – Ульяна тщательно пережевывала халву, с зубами у нее явно была беда. – Мужик пахать должен, для него это главное. Для нас детишки, для них работа.

– Это верно, – согласилась Вероника и неожиданно для себя спросила: – Бабушка Ульяна, а вы не знаете, что за бомж ходит тут у вас по поселку?

– Какой такой бомж? – Старуха перестала жевать, лицо ее посерьезнело.

– Ну старик, седой такой, в лохмотьях.

– Откуда ты знаешь про старика? – Ульяна отложила ложечку и напряженно смотрела на Веронику. Та почувствовала, как по спине ползут мурашки. – Он что, приходил к тебе? – полушепотом спросила та.

– Да. Стучал в калитку. Просил пустить. Говорил, что дом принадлежит ему.

Старуха сокрушенно покачала головой.

– Плохо, дочка, очень плохо.

– Почему плохо? – так же шепотом спросила Вероника.

– Потому что оборотень это. Нечистая сила. – Старуха истово перекрестилась три раза.

Вероника сидела, открыв рот и глядя на бабуку с изумлением.

– Как это нечистая сила? Что вы говорите?

– То и говорю. Повадился, нечисть, в нашу деревню. Откуда приходит – никому не известно. Вишь, лес рядом, может, там он хоронится.

Вероника вспомнила, как бродяга исчез за деревьями, точно растворился. Ее, как накануне, прошиб холодный пот. Тут же она одернула себя – ерунда какая! Она же не восьмидесятилетняя старуха, чтобы верить во всякие басни о нечистой силе и оборотнях. Ульяна меж тем продолжала, опасливо озираясь:

– Он, лешак поганый, смотрит своими зыркалами да молчит. Молчит да смотрит.

– А со мной заговорил.

– Матерь божья! – Старуха снова перекрестилась. – И что сказал?

Вероника опустила голову.

– Сказал, что жить мне осталось мало.

– О господи! – Ульяна чуть не свалилась со стула. Рука ее дернулась, чашка опрокинулась, остатки чая вылились на скатерть. Вероника сидела в оцепенении и молчала. – Ты вот что, дочка, – наконец пришла в себя гостья. – Ты не печалься так-то. В церковь сходи, помолись. Попроси защиты у боженьки. У нас-то в Плацкиные своей церкви нет, погорела лет пять назад. Дак мы в Нестерово ходим, это недалече, километра два будет.

– Схожу. – Вероника вздохнула.

– Может, и пронесет, – сказала Ульяна и встала. – А я пойду себе. У меня еще куры не кормлены. – Она поспешно засеменила к порогу. Вероника помогла ей нахлобучить пальто и проводила до калитки. – Ты приходи в гости, – пригласила ее старуха. – Дом у меня не ахти, но чайку попить есть где. Приходи.

– Приду, спасибо. – Вероника смотрела, как старушка ковтыляет по дорожке, то и дело проваливаясь в сугробы. Наконец она скрылась за своим забором.

Вероника постояла немного, затем захлопнула калитку и сделала несколько шагов в сторону леса. Вот та тропинка, по которой ушел бродяга. Какая-то сила заставила ее медленно двинуться мимо заснеженных кустов.

– Карр! – раздалось у нее над головой. – Карррр!!

На сугроб села большая черная ворона, ковырнула носом снег и с важным видом пошла по нему, оставляя на синевато-белой глади цепочку четких следов. Вероника остановилась, прислушалась. Ей показалось, что где-то рядом скрипит снег.

– Эй! Тут кто-то есть?

За деревом мелькнуло что-то темное. Вероника вскрикнула и кинулась бежать. Увязая в снегу, она выскочила из леса на дорожку, вившуюся вокруг домов. Добежала до калитки. Дрожащей рукой вставила ключ в замок. Обернулась. Рядом никого. Она влетела во двор, с ходу наткнувшись на снежную бабу. Та рассыпалась на снежные крошки. Вероника заскочила в дом и хлопнула дверь. Сердце ее бешено колотилось. Что, если Ульяна права? В Плацкине живет оборотень? Приходит сюда из леса. Их дом самый крайний к нему, поэтому он и облюбовал его. Ему было холодно, и он просил пустить его. Интересно, лешему бывает холодно?..

Она сходит с ума. Какой леший? Какая нечистая сила? Это просто бомж, лицо без определенного местожительства. Пьяница, как верно сказал Егор.

Громко зазвонил телефон. Вероника вздрогнула от неожиданности и глянула на экран. Отец! Она дрожащей рукой схватила трубку.

– Да, папа.

– Привет! – пророкотал на том конце бодрый отцовский голос. – Ну, как вы там, на природе? Не скучаете?

– Нет. Я одна, Егор на работе.

– И что ты делаешь целыми днями вдали от мирской суеты?

– Много чего. Обустраиваю быт, готовлю, работаю.

– На следующей неделе мы с мамой собираемся к вам в гости. На этой не получается, работы много. Даже в выходные.

– Хорошо, мы будем очень рады.

– Что-то не слышу в голосе особой радости, – другим, более серьезным тоном произнес отец. – Что-то не так? А, Ника?

Вероника старалась сдержать подступающие к горлу рыдания.

– Нет, тебе показалось. Все отлично. Я счастлива.

– Странно. А впечатление такое, будто ты плачешь. Или связь так искажает.

– Связь.

– Ну хорошо. Мы с мамой очень соскучились. Она все рвется приехать одна, но я не пускаю ее. Не с ее здоровьем такие поездки.

– Я тоже соскучилась. Правда! Целую вас и жду.

– Еще созвонимся. Пока. – Отец отключился.

Вероника стояла посреди гостиной. Только сейчас она поняла, что так и не сняла ни пуховик, ни шапку, только угги сбросила в прихожей. Нужно что-то делать. Взяться за отчет, готовить ужин. Запустить стиралку, повесить готовую штору в спальне. Она постаралась встряхнуться и взять себя в руки. Однако ее не оставляло странное чувство, будто она не одна. Словно то существо, которое мелькнуло за деревом, каким-то непонятным образом пришло вслед за ней и проникло в дом.

Вероника решила начать с ужина. В конце концов, Егор не виноват в том, что у нее поехала крыша, он-то привык, что по вечерам его ждет накрытый стол. Превозмогая дрожь в руках, Вероника достала из холодильника мясо, разморозила его в микроволновке, слегка отбила и поставила на плиту сковороду. Плеснула на нее масло, повернула вентиль. Раздался хлопок, столб пламени взметнулся вверх, масло брызнуло Веронике в глаза. Она вскрикнула и отпрянула, с ужасом глядя на пылающую факелом плиту. Огонь в любую минуту мог перекинуться на стены, и тогда не миновать пожара. Вероника вспомнила, что за ванной, в техническом помещении, есть огнетушитель, и помчалась туда. Отыскала в углу баллон, схватила его, сорвала пломбу и, выставив его перед собой, вбежала в гостиную.

Явственно пахло гарью. Почерневшая сковородка кособоко стояла на конфорке, вагонка над ней слегка обуглилась. Однако само пламя погасло. «Очевидно, газ в баллоне закончился», – с облегчением решила Вероника. Ноги ее подкосились, и она опустилась прямо на пол.

Почему загорелась плита? Вроде она не такая старая и вполне исправная. Как теперь готовить ужин? Она медленно поднялась на ноги, распахнула окна, стараясь прогнать отвратительный запах гари и раздумывая, как ей быть. Где-то на втором этаже, в коробках, привезенных из Москвы, есть электрическая плитка, мама отдала свою, с дачи. Она неновая, но вполне пригодная для готовки. Вероника пожалела, что не послушалась Вороновых и не купила индукционную плитку – на той готовить одно удовольствие. И легко, и безопасно. Но Егор уперся – газ, и все тут. Его можно понять – дом отапливается от электрокотла, это немалые деньги. Если еще и готовить на электричестве, то выйдет совсем астрономическая сумма.

Вероника пошла наверх, обшарила пару коробок, отыскала плитку, спустила ее, установила на столешнице и включила в розетку. Сковородку пришлось выкинуть, она достала другую. Снова налила масло, посолила и поперчила отбивные и принялась обжаривать. На электрической плитке процесс готовки затянулся. Вероника потратила целый час, пока ей удалось довести мясо до мало-мальски аппетитной корочки. Она отказалась от мысли об овощном рагу с шампиньонами и сварила макароны.

Ее продолжал преследовать запах горелого, сильно разболелась голова. Вероника выпила таблетку нурофена, но легче ей не стало. При взгляде на еду тошнило. Она накрыла сковородку крышкой, поднялась в спальню и прилегла. ЧП с газом немного отвлекло ее от мыслей о прячущемся в лесу бомже-оборотне. Она набрала Егора. Тот не взял трубку. Это было обычным делом – когда много работы, он не успевал подходить к телефону.

Наверху запах гари если и чувствовался, то совсем слабо. Вероника постепенно приходила в себя. Начала действовать таблетка, спазм, сжимающий виски, прошел, дрожь в теле утихла. Она лежала под одеялом и думала о том, что нужно сходить к Ульяне и как следует расспросить ее об оборотне, а также о том, кто построил дом. Почему она обходит эту тему? Боится?..

Послышался рокот мотора. Вероника вскочила и бросилась к окну. Из машины выходил Егор. Приехал! Слава богу! Она поспешно бросилась на лестницу.

– Егорушка!

Он поднял глаза. Лицо его было серым и усталым.

– Привет, солнышко. – Егор принялся, его взгляд остановился на почерневшей вагонке. – Что здесь произошло? – Он удивленно посмотрел на Веронику. – Почему так пахнет? Что-то горело?

– Что-то... – Она сбежала вниз и прижалась к нему. – Тут был настоящий взрыв.

– Взрыв? Не может быть. – Егор посмотрел на нее с тревогой.

– Еще как может. Газ загорелся. Видимо, какая-то неисправность в баллоне или в самой плите. Я побоялась снова ее включать. Теперь у нас только это. – Вероника кивнула на электроплитку.

– Похоже, утечка, шланг пропускает. – Егор покачал головой. – Господи, ты же могла пострадать! – Он обнял ее и крепко прижал к себе. – С тобой все в порядке? Как тебе удалось потушить огонь?

– Все нормально. Он сам погас. Очевидно, газа в баллоне было совсем мало. Он догорел, и все потухло. Я только успела сбежать за огнетушителем, но он не понадобился.

– Отныне никаких газовых баллонов! – категорично произнес Егор.

– А как же новая плита?

– К черту ее! Закажем электрическую.

– Но деньги...

– Плевать! Я не хочу, чтобы ты тут сгорела заживо. – Он легонько отстранил от себя Веронику. – Ладно. Я в душ.

Вероника улыгнулась.

– Ты обещал пирожные. Принес?

– Какие пирожные? – Он поглядел на нее с недоумением. – А, ты имеешь в виду из пекарни?

– Ну да. Ты же снова заходил туда, я чувствую по запаху.

– Прости, котик, совершенно вылетело из головы. Виноват. В следующий раз обязательно привезу. – Он скрылся за дверью ванной.

Хлынула вода. Вероника положила в тарелки еду, разогрела в микроволновке и поставила на столик. Ей показалось, что из прихожей тянет сквозняком. Неужели Егор не закрыл за собой дверь? Она заглянула в предбанник, но дверь на улицу была плотно прикрыта. «Странно», – подумала Вероника, поежилась и, накинув шерстяную кофту, вернулась в гостиную. Запах гари почти выветрился, она закрыла оба окна и задернула шторы.

Вернулся Егор, сел за стол, устало вытянув ноги. Вид у него был кислый и угрюмый.

– Чего ты? – Вероника чмокнула его в затылок. – Что-то на работе?

– Да нет, на работе все в порядке. – Он молча принялся резать мясо. – Не нравится мне все это, – произнес он минутой позже.

– Что не нравится? – не поняла Вероника.

– Все. Этот бомж, который повадился сюда ходить. Его дурацкие угрозы в твой адрес. Авария с плитой.

– погоди. – Вероника привстала со стула. – Какое отношение имеет бомж к вспыхнувшей плите? Ты что... ты хочешь сказать... – Она не договорила, с изумлением глядя на Егора.

– Да нет, я ничего такого не имел в виду. – Он неопределенно развел руками и отправил в рот кусочек отбивной. – Вкусно! Никусик, ты где угодно можешь готовить, хоть в лесу на костре. Все равно выходит великолепно.

– Постой. – Она пристально посмотрела ему в глаза. – Ты ведь не просто так это сказал. Ты вправду считаешь, что газ загорелся не случайно?

– Я так не говорил, – возразил Егор не слишком уверенно.

Вероника не обратила на его слова никакого внимания.

– То есть ты думаешь, что этот... этот... – От волнения она никак не могла найти нужное слово. – Он хотел привести свою угрозу в исполнение? Но как?? Как он мог испортить плиту? Ведь он не заходил в дом! И на участке даже не был. Если только... – Ее голос упал до шепота. Лоб покрылся крупными каплями пота. – Ты полагаешь... это существо обладает сверхъестественными способностями??

– Что? Сверхъестественными способностями? – Егор расхохотался, однако лицо его было напряженным. – Никусик, не говори чепухи!

– Но ты ведь сам только что сказал! Намекнул! – На глаза Вероники навернулись слезы.

– Клянусь, я не это имел в виду!

– Не клянись! Не смей! Как тебе не стыдно врать! – Она закрыла лицо руками и горько расплакалась.

Егор вскочил и бросился к ней. Усадил к себе на колени и принялся гладить по голове.

– Ну Ника, любимая, перестань. Прости. Я не знаю, что на меня нашло. Просто очень испугался за тебя. Это от страха, поверь.

– Я понимаю, Егорушка. – Вероника горестно всхлинула. – Но ведь ты же абсолютно прав! Я... я сегодня ходила в лес и там...

– В лес? Ты ходила в лес? Зачем? В такой холод?

– погоди, не перебивай. – Вероника перестала плакать, вытерла мокрое лицо салфеткой. – Я расскажу тебе все по порядку. Ко мне приходила соседка. Старушка из дома, который рядом с нашим. Ее зовут Ульяна.

– Не пойму, при чем тут соседка? – Егор потихоньку взялся за остатки мяса. – Хорошо, что вы познакомились. Но какое отношение она имеет к тому, о чем мы говорили?

– Самое прямое! Я невзначай спросила ее о бродяге, который ходит по деревне. И она... она очень испугалась. Сказала, что это не бродяга, а... оборотень.

– Кто?? – Егор поперхнулся и закашлялся. Лицо его побагровело. Вероника испуганно стала бить его по спине. – Ох... – Он с трудом перевел дух. – Ну ты даешь, солнышко. Я чуть не задохнулся.

– Прости. Но я говорю правду. Так и было. Старушка сказала, что по деревне бродит оборотень. Он живет в лесу. Наш дом самый ближний, поэтому он и облюбовал его. Когда она собралась уходить, я вышла проводить ее. И... что-то потянуло меня в лес. Егор, я могу поклясться – там кто-то был! Я слышала чьи-то шаги. А потом за деревьями мелькнула темная фигура. Это точно был он, оборотень! Он наслал на меня проклятье!

– Опомнись, Ника, что ты несешь? – Егор схватил ее за руки и крепко сжал их. – Нет никаких оборотней! Это деревенская старуха может верить в них, но не ты, молодая женщина, москвичка, с высшим образованием.

– Я верю, – прошептала Вероника, глядя на мужа круглыми от ужаса глазами. – И еще, Егор... я хочу узнать, кто построил этот дом. Ведь это не Снегирев, он купил его уже готовым. Ульяна назвала его пришлым человеком, чужаком.

– Ну, может, и так, – неуверенно пробормотал Егор. – Да какая тебе разница?

– Мне кажется, этот оборотень как-то связан с домом. Может, это дух человека, который когда-то построил его?

– Ты в своем уме? Какой дух? Ты еще на спиритический сеанс запишись!

– Надо будет – запишусь! – отрезала Вероника.

– Хорошо, котик, не будем спорить. Завтра суббота, я пройду по домам и все узнаю об этом бродяге. Возможно, отыщу его самого. И тогда ему явно не поздоровится! – Егор угрожающе сдвинул брови и погрозил кулаком в пустоту. Вероника грустно улыбнулась.

– Ты наелся?

– Да, спасибо, все очень вкусно. Идем ложиться?

– Ты иди, а я посуду помою. Скоро приду.

– Окей. – Егор ушел наверх.

Вероника не спеша составила в раковину тарелки и сковородку. Намылила губку. Внезапно ей показалось, что снова веет сквозняком. Она с недоумением взглянула на закрытое окно. В одно мгновение комната ожила. Что-то невидимое глазу наполнило ее, вселив в душу Вероники ужас. Ей чудилось, что чьи-то руки вот-вот схватят ее за горло. Уши различали тихий, но явственный скрип половиц. Призрак-оборотень бродил по дому как хозяин, в любую минуту готовый уничтожить свою обидчицу. Вероника поспешно домыла посуду, кое-как обтерла руки полотенцем и ринулась вверх по лестнице. Егор лежал в постели и смотрел по телевизору футбол.

– Солнышко, что с тобой? Ты очень бледная, просто лица на тебе нет.

Вероника приложила палец к губам.

– Тс-с! Тихо! Слушай! Слышишь?

Егор прислушался.

– Ну?

В тишине ясно раздавался скрип. Он помотал головой.

– Я ничего не слышу.

– Да вот же, скрипит!

– Это доски, солнышко. Дом неновый, на улице мороз. Нормальное явление.

Вероника разделась и прилегла рядом с Егором. Постель была уютно нагрета, ей сразу стало гораздо спокойнее. Захотелось обнять его, что она и сделала.

– Котик, давай спать. Я сегодня вымотался. – Егор щелкнул пультом, и экран погас. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – прошептала Вероника, удобно устраивая голову у него на груди.

5

На этот раз она спала крепко и без сновидений. Проснулась Вероника оттого, что Егор нежно щекотал ее нос.

– Никуся, пора вставать. Где мой завтрак? Я голоден как черт.

– Который час? – Вероника с трудом открыла слипающиеся глаза и села в кровати.

– Девять. И минус двадцать на улице! Бедный котел надрывается, чтобы нам было тепло.

Вероника пригладила волосы и с нежностью взглянула на свежее розовое лицо мужа.

– Ты выспался?

– Отлично выспался. Дрых как младенец. Теперь вот аппетит лютый.

– Сейчас, любимый. Я все сделаю. Что ты хочешь – сырники с вареньем или яичницу с колбасой?

– А если и то, и то? – Егор хитро прищурился и захохотал. – Шучу. Давай яичницу, она у тебя классно выходит.

Вероника накинула халатик и спустилась. За ночь неприятный запах горелого пропал окончательно. Она раздвинула шторы. Гостиная при дневном свете казалась совершенно безопасной. Вероника хлопотала у плитки, параллельно запуская кофемашину. Она слышала, как Егор спустился и протопал в ванную.

Через десять минут завтрак был готов. Вероника постелила на столик свежую салфетку, расставила отмытые до блеска тарелки, чашки с кофе. Разложила яичницу, посыпав ее сверху мелко нарезанным зеленым лучком.

– Ура! Еда! – Егор вышел из ванной и уселся за стол. Втянул носом аромат, шедший от тарелок, и мечтательно закатил глаза. – Как я люблю субботнее утро, если б кто знал. Не надо никуда спешить, можно вот так сидеть, есть горячий завтрак, приготовленный любимой женушкой, пить кофе...

Вероника посмотрела на него с сочувствием и пониманием. Егор всегда вставал ни свет ни заря, когда она еще сладко спала. Он никогда не будил ее, сам делал себе кофе и уезжал в сервис. Завтракал он на работе, в маленьком кафетерии напротив ангаров. Поэтому выходные для него святое, а с ними и традиционный домашний завтрак.

– Кушай, Егорушка, яишенка хорошая получилась, на этой плитке даже лучше выходит, чем на газовой. – Вероника, довольная, смотрела, как он поглощает еду. Самой ей почему-то есть не хотелось. Она вяло прихлебывала кофе и, по обыкновению, любовалась мужем.

– Что это? – Егор вдруг перестал есть, взгляд его скользнул по полу.

– Где? Ты о чем?

– Да вот. – Он нагнулся и поднял с ламината длинный седой волос. – Откуда это у нас?

– Понятия не имею. – Вероника посмотрела на находку с недоумением, потом хлопнула себя по лбу. – Это же Ульяновин! Она сидела здесь, чай пила. У нее волосы длинные и седые.

– Слава богу. – Егор улыбнулся. – А то я уж подумал... – Он не договорил и принялся молча жевать яичницу.

Вероника судорожно глотнула из чашки, горячий кофе обжег ей небо.

– Ты подумал, что здесь был оборотень??

– Тихо, тихо, солнышко. – Егор погладил ее по плечу. – Ну я же просто пошутил. Что, уж и пошутить нельзя?

– Глупые шутки, – сухо произнесла Вероника. Сердце ее гулко билось.

– Ну хорошо, я не буду больше. – Егор виновато взглянул на нее. – Прости, пожалуйста. Я не нарочно. Виноват.

– Ладно. – Она потрепала его по волосам. – Дай сюда эту гадость, я выкину. – Она отнесла волос в мусорное ведро. – Кстати, ты обещал пройтись по деревне и разузнать про бомжа.

– Я и не отказываюсь. Сейчас доем, оденусь и схожу. Ты пойдешь со мной?

Вероника глянула в окно – даже через стекло ощущался сильный мороз. Все белым-бело, за ночь намело еще больше снега, деревья стоят припорошенные, и птиц не видать – замерзли, бедные, не до еды им.

– Пожалуй, останусь дома, – неуверенно проговорила Вероника. – Делами займусь. Да и обед на этой плитке приготовить – процесс небыстрый.

– Ну, как хочешь, – согласился Егор, поднялся из-за стола и собрал тарелки. – Спасибо, завтрак супер!

– На здоровье. – Вероника чмокнула его в висок. – Только ты недолго, а то замерзнешь. Вернешься – пообедаем. А потом, может, ходим на полчаса прогуляться вместе.

– Договорились. – Он пошел одеваться.

Вероника в задумчивости мыла посуду и вытирала со стола крошки. Сверху слышались шаги.

– Смотри, как я экипировался. – Егор стоял перед ней в толстом свитере двойной вязки – Вероника связала его на прошлый Новый год. – Как сидит?

– Отлично. – Она показала ему большой палец. – Шапку тоже надень. Ушанку, а не шерстяную.

– Ну разумеется. – Егор поцеловал ее и пошел в прихожую. – Пока, солнышко, не скучай!

Хлопнула дверь. Вероника поставила на сушку последнюю тарелку и выключила воду. Аккуратно положила губку на край раковины. Постояла минуту в нерешительности. Потом медленно подошла к помойному ведру и открыла крышку. Волос лежал, приклеенный к баночке из-под йогурта. Вероника присела на корточки и принялась разглядывать его. Толстый, вьющийся, похожий на распрямленную пружинку. У Ульяны совсем другие волосы, тоненькие и прямые. Нет, этот волос явно не со старухиной головы.

Вероника снова почувствовала, как ее охватывает ужас. Тело с ног до головы покрылось мурашками. Значит, он был здесь! Оборотень проник в дом! Это он испортил плитку, наколдовал что-то с газовой подводкой! Выходит, Ульяна права – в Плацкине обитает нечистая сила, живет в лесу и приходит к людям когда соизволит!

Вероника дрожащими руками захлопнула крышку и затравленно оглянулась. Ей, как и вчера вечером, почудилось, что дом полон привидений. Целая симфония шумов, скрипов, тихих вздохов и стонов, безжалостно атаковала ее слух. Вероника вскочила, подлетела к тумбе, где стоял музыкальный центр, со всей силы ткнула клавишу. Послышалась веселая музыка. «Может, батюшку пригласить?» – мелькнуло у нее в голове. Она слышала, что некоторые дома и квартиры имеют плохую ауру и новые хозяева приглашают священника, чтобы тот снял с помещения порчу и окропил святой водой. «Так и надо сделать, – решила Вероника. – Завтра же пойду в нестеровскую церковь и поговорю с батюшкой». Она набрала Егора.

– Да, солнышко! Я в магазине. – В трубке слышался отдаленный женский смех. – Как ты? Не соскучилась?

Вероника подумала, что глупо говорить ему про волос. Особенно сейчас, когда он далеко от нее.

– Я нормально.

– Я гляжу, ты веселишься, музыку включила.

– Да, решила немного развлекаться, пока хозяйством занимаюсь. А как твои успехи?

– Ну, пока что я купил бутылку местной наливки. Говорят, отличная, ее делают здесь, неподалеку, на областном заводе. Будет чем встретить субботний вечер. – Егор весело рассмеялся.

– Наливка – это здорово. – Вероника невольно понизила голос. – А что... что с бомжом? Ты спрашивал?

– Да, тут сегодня много народу по случаю выходных. Человек пять.

– Что они говорят?

– Никто не видел его. Говорят, какой-то бомж живет в соседнем селе, километра за три отсюда. Вроде бы дом его сгорел, а он спился постепенно, спятил и скитается по округе. Но мне кажется, это что-то вроде местной легенды. Как про собаку Баскервилей. Может, это он к тебе приходил?

Несмотря на то что тон Егора был откровенно насмешливый, Вероника почувствовала невероятное облегчение.

– Наверное, так и есть! Возможно, ему в каждом доме чудится его сгоревшее жильё.

– Возможно. Во всяком случае, я уверен, что он ни капли не опасен. Просто несчастный сумасшедший. Солнышко, может, взять еще одну бутылку?

– Возьми, – рассеянно согласилась Вероника. – Ты долго еще? Я скоро займусь обедом.

– Не торопись. Людочка угостила меня чудесными пирожками с капустой.

– Людочка? Это продавщица?

– Она самая. А еще здесь Василий, отличный мужик. Мы подружились, он зовет меня в гости. Ненадолго, на полчаса. Можно, а, солнышко?

Егор никогда не питал особенного пристрастия к выпивке, поэтому Вероника не волновалась, что Василий споит ее мужа. Однако ей стало неприятно: Егор, кажется, неплохо проводит время в ее отсутствие, флиртует с Людмилой, ходит по гостям. Она с трудом подавила недовольство и произнесла, стараясь говорить как можно мягче:

– Можно, милый. Но постарайся не задерживаться. Я скучаю.

– Я тоже скучаю по тебе, котенок, – нежно проворковал Егор. – Скоро буду.

Он отключился. Вероника протерла столешницу и села на диванчик в углу. Из динамика продолжала греметь музыка. На мгновение ей показалось, что некто невидимый склонился перед ней в полушутливом-полуиздевательском поклоне, приглашая на танец. Она зажмурилась, затем протерла глаза. Решительно вскочила и пошла наверх.

Следующая пара часов прошла в борьбе с самой собой и своими страхами. Вероника честно пыталась поработать, дострочила занавески, разобрала несколько коробок с вещами, привезенными из Москвы. Поставила варить обед. Все это время ее не покидало ощущение, что рядом кто-то есть. Она решила не обращать на это внимания – ведь совершенно ясно, что происходящее – обычный психоз. Ульяна права: в ее возрасте давно пора нянчить детишек, иначе гормоны атакуют голову. Отсюда и всякие бредовые страхи, и нереальные фантазии.

Егор вернулся лишь к четверем, когда обед уже успел остыть. Пришел он не один, а с Василием. Оба были веселые, краснолицые и шумные. Василий долго топал в прихожей, стряхивая с ботинок налипший снег.

– А вот и моя жenuшка. – Егор провел его в гостиную и кивнул на Веронику.

– Да мы уже знакомы, – басом пророкотал Василий. – Она аккурат около моего дома удумала в сугроб свалиться. Насилу вытащил. – Он уставился на нее из-под курчавых нависших бровей. – Без одежды-то вы симпатичнее будете. Прямо как актриса. Знаменитая такая, волос короткий, как у вас, только светлый. Вечно всяких развратниц играет.

– Шэрон Стоун, – машинально подсказала Вероника. Ей часто говорили, что она похожа на героиню «Основного инстинкта», только масть другая.

– Вот-вот, Шаром, – обрадовался Василий, оглядывая гостиную. – А ништяк вы тут все устроили. У Кольки всякого хламу было полно, а теперь простор. Красота. – Он втянул носом запах борща и сглотнул. – А пахнет-то как! Что ж, хозяйка, кормить-то будешь?

– Конечно, будет, что за вопрос. Ты присаживайся, почувствуй себя как дома. – Егор сделал пригласительный жест.

«Уже на «ты», – почему-то с неприязнью отметила Вероника, – а ведь мужик сильно старше, лет на пятнадцать». Она принялась разливать борщ, искоса наблюдая, как Василий устраивает свое громоздкое туловище за маленьким столиком. Через пять минут стало тихо,

был слышен лишь звук жующих челюстей да тихий звон рюмок с коньяком, принесенным Василием. Он прикончил борщ, откинулся на спинку стула, блаженно вытянул длинные ноги и икнул.

– Эх, красота.

– Ника у меня чудо-хозяйка, – похвастался Егор. Его тоже разморило, на щеках играл румянец, глаза заволокло туманом. – Солнышко, а на второе что?

– Индейка с черносливом.

– С черносливом? – удивился Василий. – Никогда такого не едал. Это что-то заморское, видать.

– Попробуйте. – Вероника сдержанно улыбнулась.

– Попробуем. – Василий налил стопку и залпом осушил ее. Он был уже прилично пьян. Индейка пошла на ура, как и тушеный в сметане картофель. Василий совсем захмелел, лег на плечо к Егору.

– Хорошие вы ребята, – растягивая слова, бормотал он. – Будем, как говорится, дружить домами. Баба моя, Катька, тоже дружить будет. Она нормальная баба, готовить только не умеет так, как твоя, Егорка. Ну ничего, что-нибудь сварганит, выпьем по рюмашке-другой, как не выпить с гостями-то? А Колька Снегирев тот еще жук, какие деньжищи с вас сгреб! – Василий пьяно подмигнул Веронике. – Мне Егорка все рассказал. Не стоит этот дом таких миллионов, вот ей-богу.

– Вы хорошо знали Снегирева? – неожиданно для себя спросила Вероника.

– Ну как хорошо? Я ведь не здешний, не плацкининский. Мы с Катькой семь лет назад сюда приехали. Снегирев здесь самый крутой был. Дом лучше всех, машина. Жена-красавица. Он меня лет на десять старше. Артист.

– Почему артист? – удивилась Вероника.

– Да потому. В театре работал. И супруга его тоже, прима была. В областном театре, здесь, в райцентре. Жаль ее, такая молодая, красивая. Заболела и умерла в одночасье. Уж Колька куда только ни возил ее, и к докторам, и к целителям – все без толку.

– А дом до Снегирева кому принадлежал?

– Я почем знаю? Колька его купил сто лет назад. Это только бабки местные знали, кто его строил. А они все померли, кроме Ульяны. Вы в подвал-то заглядывали?

– В подвал? – Егор покачал головой. – Нет, пока не заглядывали. Не успели еще.

– А зря. У Кольки в подвале чего только нет. Инструментов слесарных куча, я б у вас сторговал себе чуть-чуть. Он из-за границы привозил, отличные инструменты. Зачем они ему – ума не приложу, он отродясь ничего руками не делал. Небось так и валяются без дела. Ну что еще? Гобелены они коллекционировали. Тоже наверняка остались. Так что я бы на вашем месте первым делом туда наведалься бы.

– Интересно. – Егор вытер разгоряченное лицо.

Веронике тоже стало любопытно. Она и не подозревала, что в подвале скрыто столько сокровищ. Особенно гобелены! Вот бы вытащить их, привести в порядок и развесить на стенах в гостиной.

– Мы обязательно туда спустимся, – сказала она Василию, – прямо завтра.

Они еще посидели вместе, попили чай, гость немного протрезвел.

– Ладно, пойду я. – Он нехотя встал. – А то Катюха меня убьет. А насчет гостей заметано – теперь вы к нам. – Василий, покачиваясь, побрел в прихожую.

Егор пошел провожать его. Вероника собрала со стола посуду, поставила кастрюлю с борщом в холодильник.

Вернулся Егор. Вид у него был усталый и раскисший.

– Да, пьют они здесь как следует. – Он плюхнулся на диван. – Прости, солнышко, что не помогаю. Голова кругом.

– Еще бы. – Вероника добродушно усмехнулась. – Сколько вы коньяка уговорили? Бутылку? Или больше?

– Полторы.

– Наливка не пригодилась.

– Почему не пригодилась? Завтра выпьем. Вдвоем. Отметим проникновение в подвал. – Егор засмеялся своей шутке.

– Иди ложись. Я посуду помою и приду. Посмотрим фильм какой-нибудь.

– Да, пожалуй, приму горизонталь. А то мутит что-то. – Егор с трудом поднялся и нетвердой походкой пошел наверх.

Вероника машинально мыла посуду, раздумывая над тем, что рассказал Василий про Снегирева. По ее мнению, тот меньше всего был похож на актера – скорее на успешного предпринимателя. Суховатое, невыразительное, хотя и с правильными чертами лица, жесткий взгляд. Неужели он играл на сцене? Или играет и по сей день? Интересно, как выглядела его супруга? Нигде в доме не осталось ни одного ее портрета, ни одной фотографии. Вероника даже не знала, как ее звали: Снегирев ни разу в разговоре не упомянул ее имя, только «моя жена».

Размышляя обо всем этом, она не заметила, как домыла посуду, вытерла стол и даже протерла шваброй пол. Сверху слышался приглушенный звук телевизора. День прошел, а они с Егором почти не побыли вместе. И так редко видятся, только по вечерам, когда он приходит измотанный работой и дорогой. Вероника твердо решила, что завтра они проведут время только вдвоем. Пойдут гулять, разведают, есть ли тут неподалеку каток, например. Если чуток потеплеет, можно будет покататься на коньках.

Она поднялась по лестнице. Егор спал, уткнувшись носом в подушку и тихо посапывая, а на экране шел какой-то детектив. Вероника улыбнулась и принялась раздеваться.

6

Утром, сразу после завтрака, они спустились в подвал. Там было холодно и пыльно. Повсюду громоздились кучи вещей. Вероника неожиданно отыскала среди этой свалки пару картин. Они были так себе, обычная любительская живопись. Пока Егор рылся на полках, разбирая инструмент Снегирева, она бережно протерла их сухой тряпочкой и поставила к стене.

– Вот этот натюрморт подойдет для кухонной зоны, – сказала она Егору. – А эти цветы можно в спальню.

– В спальню так в спальню. – Он зажмурился и громко чихнул. – Ну и пылища тут. Прямо в носу свербит.

– Надо все вымыть с порошком. Повесить побольше полок. Разложить нужное по порядку, а остальное выкинуть к чертовой бабушке. Ты видишь гобелены?

Егор снова чихнул и помотал головой.

– Нет, не вижу. Может, их тут и нет. Снегирев забрал с собой.

– Если так, то жаль. – Вероника нагнулась поднять с пола какую-то статуэтку, споткнулась о пыльный рулон и едва не грохнулась. – Вот они! – Она бережно размотала рулон. – Какая красота! Это стоит немалых денег. Странно, что их оставили здесь, в подвале, в таком состоянии.

– Да тут много чего оставили. – Егор с интересом разглядывал новенький шуруповерт. – У него прямо целая коллекция. Может, твоему отцу часть подарить? Или Сереге?

– Еще чего, Сереге, жирно будет! А у папы все, что нужно, есть. Оставим себе. На днях я спущусь сюда с ведром и тряпкой, приведу все в божеский вид. А гобелены надо пропылесосить и развесить по стенам. Будет шикарно.

Егор кивнул и продолжил копаться в залежах снегиревского барахла. Вскоре они оба устали.

– Пойдем, прогуляемся? – предложила Вероника.

– С удовольствием. А вечером я разожгу костер и сделаю шашлык. Хочешь?

– Ты еще спрашиваешь! Конечно, хочу. – Вероника повисла на шее у мужа.

– И не забудь, у нас есть местная наливка. – Егор хитро ухмыльнулся.

– Ах ты алкаш! – Вероника шутливо ткнула его в бок и расхохоталась.

Они, все в пыли и паутине, вылезли наверх. Егор запер подвал, посмотрел на Веронику и скептически поднял брови.

– Ну и видок. Тебе явно нужно в душ.

– Не откажусь. – Вероника нежно чмокнула его в щеку. – Я мигом. Можешь уже одеваться.

Она быстренько ополоснулась и, посвежевшая и бодрая, вышла из ванной, завернувшись в большое банное полотенце. Егор сидел в гостиной на диване и говорил по телефону. Лицо его было пасмурным и сосредоточенным.

– Да понял я, понял. Хорошо. Да. Ладно... – Он нажал на отбой, увидел Веронику и встал.

– Кто звонил? – Она скинула полотенце и предстала перед ним нагишом.

– Солнышко! Так мы никуда не пойдем... – Егор сделал выразительный жест.

Вероника рассмеялась.

– Ну ты же сам загнал меня в душ. Так с кем ты разговаривал?

– С Серегой.

– Что ему нужно от тебя в воскресенье?

– Да ерунда. По работе. Ты иди одевайся, а то простынешь.

Она кивнула и пошла наверх. Поспешно натянула белье, джинсы, свитер. Егор ждал в прихожей, уже в куртке и ботинках. Они вышли из калитки и остановились в раздумье.

– Ну, куда пойдём? – спросил Егор. – Может, в лес? Мне Василий говорил, там за ельником какой-то карьер. Поглядим?

– А мы не увязнем в сугробах? – Вероника с сомнением оглядела белоснежное пространство вокруг.

– Нет. Там есть дорога. Довольно широкая.

– Ну пошли, – согласилась она.

На душе у нее было легко и радостно, воспоминания о бомже и сгоревшей плите поблекли и перестали ее беспокоить. Она бодро шагала рядом с Егором, крепко держа его под руку. У обоих изо рта валил пар. Нос и щеки пощипывало от мороза. Они миновали молодой еловый бор, прошли березовую рощу и вышли на большую опушку. В центре красовалось круглое застывшее озеро.

– Это, что ли, и есть их карьер? – Егор насмешливо хмыкнул. – Лужа какая-то.

– Лужа не лужа, а рыбаки сидят. – Вероника показала на несколько фигур, неподвижно сгорбившихся на льду с удочками.

По краю поляны тянулась хорошо укатанная лыжня. У самого берега ватага ребятишек с визгом играла в снежки.

– Красота. И идти недалеко. А снега-то сколько! – Вероника слепила снежок и запустила им в Егора.

– Ах так? Ну погоди!

Они лупили друг дружку снежками и смеялись, как маленькие, на них даже обратили внимание. Бородатый мужик с удочками, шедший к лесу, усмехнулся и покачал головой.

– Откуда вы, молодежь? Что-то я вас тут раньше не примечал.

– Мы из Москвы, – охотно ответила Вероника.

– Гостите у кого?

– Нет, живем теперь здесь. В Плацкине.

– Что это вас занесло в такую глушь? – удивился бородач. – Все от нас в столицу едут, а вы наоборот. Какой интерес? Тут ни кино, ни баров, ни магазинов. Дыра, прости господи.

– Вот и хорошо, что ничего такого нет, – весело проговорила Вероника. – Зато природа. Воздух. Тишина.

– Это да, – согласился мужик. – Места тут заповедные. Зайцы в лесах встречаются. Рыбы в озере полно. Промышленность далеко, воздух пачкать некому. Но я думал, это только для стариков воздух важен да земелька, чтобы ковыряться в ней. А в вашем возрасте нужна эта, как ее... инфа... интра...

– Инфраструктура, – подсказал Егор.

– Вот-вот, – обрадовался рыболов, – она самая. У меня оба сына уехали в столицу, один на стройке работает, другой таксует. Возвращаться не хотят, в гости и то редко наезжают. Говорят, в Москве даже ночью кабаки работают, хочешь – гуляй до зари. Правда, что ли? – Он недоверчиво взглянул на Егора.

Тот усмехнулся.

– Правда. Да разве в кабаках счастье?

– По мне, так нет, – согласился мужик. – Я тутошные места люблю. Простор, приволье. На лыжах-то не ходили еще?

– Не успели пока, – ответила Вероника. – Сходим обязательно.

– Это дело хорошее, – одобрительно проговорил рыбак. – Я сам всю зиму на лыжне. Зато в форме и не хвораю ничем. Тут подальше еще озеро есть, побольше, там народ и на коньках катается.

– Здорово! – обрадовалась Вероника. – Мы любим коньки. Да, Егорушка? – Она кинула нежный взгляд на мужа.

– Вы только поосторожнее, – предупредил бородач, – беспокойно здесь у нас.

– Почему беспокойно? – насторожился Егор.

– Ребятишки озоруют. – Мужик озабоченно почесал бороду.

– Как озоруют? – не поняла Вероника. – Кто?

– Пес их знает кто. То ли из Кудиновки, то ли из Малинина. Целая банда их. Варят дурь всякую, шляются по дворам ночами. Хулиганничают. Кому забор поломают, кому сарай разрушат. Воруют еще, конечно. Берут, что плохо лежит. Так что по лесу в темноте особо не гуляйте. Да и за имуществом своим смотрите в оба.

– Ну, имущество у нас за забором, – засмеялся Егор. – Нарикам туда не залезть.

– Это напрасно вы так думаете, – серьезно проговорил мужик. – Прошлый месяц тетке Настасье из Нестерова едва избу не спалили, а у нее забор будь здоров, крепче крепкого. Так-то вот... – Он поглядел на притихшую Веронику и покачал головой. – Напугал я вас. Да вы не бойтесь, это я так, просто предупредить. А вообще тут у нас хорошо... Ладно, пойду, а то заговорился с вами. Даст бог, свидимся еще. – Он повернулся и зашагал к лесу.

– Нам тоже пора, – глядя ему вслед, сказал Егор. – Я проголодался как черт. И спать надо пораньше лечь перед понедельником.

– Идем, – согласилась Вероника.

Они дошли до дома, Егор прилег в спальне, а Вероника, смекнув, что шашлыков сегодня от него не дождешься, разогрела то, что осталось от вчерашнего обеда, и накрыла на стол.

За ужином они наконец выпили наливку. Она оказалась весьма недурной, но крепкой. Вероника почувствовала, как кружится голова. Тело приятно обмякло, захотелось лечь и закрыть глаза. Сквозь дрему она ощущала, как Егор подхватил ее на руки и несет вверх.

– Иди ко мне... – нежно и сонно пробормотала Вероника и протянула к нему руки.

– Сейчас, солнышко, сейчас. – Он бережно подsunул подушку ей под голову и укрыл одеялом. – Я скоро приду. Ты поспи пока.

– Ну, Егорушка, – капризно и пьяно протянула Вероника, – я не хочу спать, я... – Язык ее отяжелел, веки сомкнулись. Она провалилась в уютное и сладкое забытье.

7

Ее разбудили яркие солнечные лучи. Вечером они с Егором позабыли задернуть шторы, и теперь в спальню лился веселый золотой поток. Вероника протерла глаза и улыбнулась, наблюдая за скользящими по полу и мебели солнечными зайчиками. Она вспомнила вчерашний день и снова улыбнулась. Какая же она счастливица! Живет в собственном великолепном доме, с горячо любимым мужем. Ни в чем не нуждается, может себе позволить красивую одежду, вкусную еду, развлечения. Не каждому так повезло в жизни. Надо это ценить и быть благодарной.

Вероника спрыгнула с кровати, подошла к углу, где висела икона Божией Матери, сложила руки.

– Пресвятая Богородица, спасибо тебе за все, что дала мне. Пусть у моих близких все будет хорошо.

Она прочитала молитву, перекрестилась, потом оделась и спустилась. Завтракать не хотелось, Вероника выпила кофе и съела баранку с маком. Ей не терпелось побыстрее попасть на улицу. Она представляла себе, как ее ноги ступят на белый, чистый снег, переливающийся бриллиантовым блеском под солнечными лучами. Сегодня не так холодно, наверное, и птицы прилетели, клюют себе из кормушки. Можно побыть во дворе, а можно прогуляться до магазина, поболтать с Людой, а заодно и молока купить, а то оно заканчивается.

Вероника быстро накинула верхнюю одежду и вышла на крыльцо. Птицы действительно были. Они облепили кормушку, чирикали, долбили носом снег. Вероника нащупала в кармане пуховика пакет с семечками.

– Вот вы жадные какие, – сказала она птицам, – погодите, не деритесь, сейчас я вам насыплю вкусенького. – Она протянула руку, чтобы взяться за перила.

В это время раздался какой-то странный звук: не то тихий свист, не то визг. Вероника вздрогнула и посмотрела в сторону, откуда шел шум. Ей показалось, за сараем что-то мелькнуло, чья-то белая голова. Она вскрикнула и, оступившись, стала валиться со ступенек в снег, тщетно пытаясь ухватиться за перила. Рука ее скользнула по дереву. В следующее мгновение она клюнула носом в сугроб, больно рассадив губу о ледяную корку.

– Черт, – жалобно проговорила Вероника и провела рукой по мокрому лицу. На пальцах была кровь. – Черт!

Сверху послышался громкий треск. Вероника подняла голову и с ужасом увидела, как прямо на нее падает козырек крыльца. Она сделала невероятное усилие и откинулась навзничь в сугробе. В полуметре от нее летели доски, с грохотом ударяясь одна о другую.

Через пару секунд все стихло.

Лежа в снегу, Вероника глядела на гору из досок и шифера – то, что еще минуту назад было крепким и красивым крыльцом. Ее пронизывал холод и бил озноб.

Что, если бы она не свалилась? Мгновение – и крыльцо рухнуло бы ей на голову. Кто-то хорошо постарался для этого. Вероника почувствовала, как страх уступает место гневу, даже ярости.

– Ты! – крикнула она и погрозила окровавленным кулаком в пустоту. – Это ты все подстроил! Я знаю, что ты там! Выходи! Сволочь, чудовище! Выходи!

Тишина. Ни единого звука, ни шороха. Птицы в испуге разлетелись, оставив недоеденные крошки. Только тонкий и монотонный гул на одной заунывной ноте. Вероника поняла, что это гудит у нее в голове. Она неловко завозилась, пытаясь подняться. Во рту был привкус крови, перед глазами плавали рваные сине-зеленые круги.

Наконец ей удалось встать. Не отрывая глаз от сарая, она нетвердыми шагами пошла к нему по расчищенной дорожке, прихватив одну из упавших досок с огромным торчащим гвоздем.

– Ну берегись, чудовище! – Вероника занесла над головой доску, как меч, и заглянула за стену сарая. Там было пусто. Она обошла сарай несколько раз. Никого. Неужели ей показалось? Но она же могла поклясться, что видела седую голову бродяги. Он свистел или визжал, одним словом, издавал какие-то мерзкие звуки. Не мог же он раствориться в воздухе? А впрочем, почему нет! Ведь это оборотень, существо из потустороннего мира...

Она сходит с ума. Еще немного и в психушку. Вероника вернулась к дому. Опасливо поднялась по ступенькам, зашла в прихожую. Тут же у нее зазвонил телефон. Егор! Как чувствовал, что с ней беда. Она схватила трубку.

– Егор!

– Солнышко! Ты как? Я соскучился. – Голос у него был очень серьезным.

– Егорушка, я чуть не погибла!

– Ты что? Что ты говоришь? Ты... дома? Никуда не ушла?

– Я хотела. Только вышла на крыльцо – упал козырек. Случайно не мне на голову. Опоры были подпилены.

– Как так?? Я утром уходил, и все было в порядке.

– Это он! Он!! Больше никому!

– Кто – он?

– Оборотень!! Я... я видела его. Он прятался за сараем и свистнул, чтобы напугать меня. Я дернулась. Секунда, и доски бы завалили меня. К счастью, я упала с крыльца. Егор! Нельзя больше тут оставаться...

– Тихо-тихо, спокойно. Солнышко, иди в дом и запри двери. Я скоро приеду. Попробую договориться с Серегой. Мы обо всем поговорим. А сейчас постарайся успокоиться.

Вероника оторвала трубку от уха и бессильно уронила руки. Это злобное существо хочет ее убить, заставляет оживать неодушевленные предметы. Сначала газ, теперь крыльцо. Но почему? Что такого она ему сделала? Не пустила во двор? Он хотел во что бы то ни стало попасть в дом. Говорил, что он его хозяин. Хозяин...

Вероника снова схватила телефон. Лихорадочно набрала Егора.

– Да, Никусик. Я выезжаю. Держись, родная.

– Егорушка! Надо идти к соседке! К Ульяне. Поговорить с ней.

– Ни в коем случае! Не выходи из дома до моего приезда! При чем тут Ульяна?

– При том, что она одна помнит прежнего хозяина дома. Точно помнит, я знаю! Просто не захотела мне рассказать про него. Она чего-то боится. Но я... я уговорю ее сказать правду! Объясню, как это важно. Важно знать, почему этот... это существо так стремится попасть к нам в дом.

– Послушай, Ника. – Голос Егора стал твердым. – Не вздумай покидать участок в мое отсутствие! Это опасно. Ты... ты помнишь, что нам рыбак на озере рассказывал? Про наркоманов. Возможно, это дело их рук. Подожди чуть-чуть. Я приеду, и мы вместе сходим к твоей Ульяне. Хотя это, конечно, глупо. Верить в каких-то оборотней...

– Хорошо, – наконец согласилась Вероника. – Только, пожалуйста, давай скорей. Мне очень страшно.

– Солнышко, я лечу. Навигатор показывает час пятнадцать.

– Ладно. – Вероника спрятала телефон в карман и побрела в ванную.

Она кое-как смыла кровь, обработала ранку перекисью. С трудом вскарабкалась по лестнице на второй этаж и прилегла в спальне. У нее продолжало гудеть в ушах, кроме того, начала кружиться голова.

Время тянулось долго и томительно. Наконец послышался рокот мотора. Входная дверь с шумом распахнулась, Егор влетел в гостиную.

– Ника! Ника, ты где?

– Я тут, – слабым голосом проговорила Вероника и, с трудом оторвав голову от подушки, встала и подошла к лестничному проему.

– Тебе плохо? Лежи, я сейчас поднимусь. – Он бросился вверх по ступеням.

Она хотела пойти ему навстречу, но ее качнуло. Перед глазами пронеслись зеленые мушки, резко замутило. Вероника вцепилась в перила и со стоном опустилась на корточки.

– Тихо, тихо. – Сильные руки Егора подхватили ее, подняли в воздух. Он донес ее до кровати, бережно уложил, распахнул окно. Морозный воздух немного ослабил дурноту, дышать стало легче, зелень перед глазами рассеялась. – Что произошло? – Егор смотрел на нее с испугом. – Там во дворе какой-то кошмар, груда досок. Жутко подумать, что все это могло упасть на тебя.

– Я не знаю, Егорушка... я ничего не знаю... – жалобно пролепетала Вероника. – Я... только вышла из дому. Стояла на крыльце, смотрела на птиц. Вдруг какой-то странный звук за сараем. Что-то ужасное! Я испугалась, рука дернулась. Короче, я упала в сугроб. А через секунду рухнуло крыльцо...

Она замолчала. Несколько мгновений они с Егором пристально смотрели друг на друга.

– Это наваждение, – тихо проговорила Вероника. – Мистика. Егор! Вдруг... вдруг придется продавать дом?

– Продавать? Ты шутишь? Это наверняка хулиганы из соседней деревни. Их почерк. Мне еще Василий про них говорил, а я, дурак, не верил.

– А если не они? Если это он?!!

– Он – это твой бомж? Который оборотень?

Вероника устало вздохнула.

– Бомж, бродяга, оборотень... называй как хочешь. Не в этом суть.

– А в чем? – Егор ласково погладил ее по щеке.

– Суть в том, что он обещал мне смерть и выполняет обещание.

– Не говори так! – Он ладонью закрыл ей рот. – С тобой ничего не случится. И дом мы не продадим! Сейчас ты немного отлежишься, и станет легче.

Вероника кивнула и прикрыла глаза. Перед ее внутренним взором посыпались доски и куски шифера. Мелькнула седая шевелюра. Она невольно вскрикнула и села на кровати.

– Ты что? – испугался Егор. – Что-нибудь болит?

– Нет.

– Тогда поспи хоть немного.

– Не хочу! Идем к Ульяне.

– Прямо сейчас? Ты неважно выглядишь.

– Все нормально. Я цела и невредима. – Вероника поднялась с постели и встала перед Егором. – Видишь, стою. Все в порядке.

– Вижу. – Он вздохнул. – Ну, раз ты хочешь, пошли.

Он помог ей спуститься. Сам натянул на ее ноги угги, одел, как ребенка. Они, осторожно ступая, прошли через обломки крыльца и вышли за калитку. До Ульяниного дома было пять минут ходу. Егор постучал в забор. Ответом была тишина.

– Может, спит? Или ушла в магазин? – Он вопросительно взглянул на Веронику.

– Она просто плохо слышит. Надо крикнуть ей. – Вероника сложила ладошки рупором и громко прокричала: – Бабушка Ульяна! Откройте, пожалуйста!

По-прежнему никто не отзывался.

– Да где ей быть? – удивилась Вероника. – Уже темнеет. Она в магазин утром ходит, пока светло. Попробуй калитку изнутри открыть.

Егор кивнул, просунул руку между досками, долго шарил там и наконец нащупал щеколду.

– Заходи. – Он толкнул калитку и пропустил Веронику внутрь.

Они прошли по тропинке к старому, покосившемуся домику. В окнах горел свет.

– Видишь, я же говорила, что она там! – Вероника постучала в дверь. Снова никто не ответил. Она потянула за ручку, и дверь со скрипом распахнулась. Вероника и Егор зашли в темные сени. – Бабушка Ульяна! Вы где? – Вероника осторожно заглянула в комнату и вскрикнула.

– Что такое? – Егор схватил ее за плечи.

– Там... – сдавленным шепотом проговорила она.

Ульяна лежала на полу посреди горницы. Руки неловко подвернуты под себя, подол вязаной юбки задрался, обнажая худенькие, старческие ноги. Лица видно не было, седые волосы выбились из косицы и в беспорядке рассыпались по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.